

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АДМИРАЛА Д. С. АРСЕНЬЕВА.

1862—1865. *)

Адмиралъ Поповъ и Казакевичъ были со мной очень любезны, а тоже и новый генераль-губернаторъ Восточной Сибири Корсаковъ, котораго мы застали въ Николаевскѣ. Здѣсь я узналъ, что приказомъ отъ 1-го Января 1862 года я былъ произведенъ за отличие въ капитанъ-лейтенанты, и капитанъ Кроунъ подарилъ мнѣ имѣвшуюся у него лишнюю пару эполетъ (такъ какъ онъ носилъ тоже адъютантскую форму, слѣдовательно серебрянные эполеты).

Я съѣхалъ на берегъ, и меня помѣстили въ домъ священника Веніамина, сына преосвященнаго Иннокентія, который былъ тогда Иркутскимъ архіереемъ.

Священникъ Веніаминъ принялъ меня очень дружественно и гостепріимно, и мнѣ съ нимъ было очень отрадно. Тщательно воспитанный своимъ отцомъ, священникъ Веніаминъ былъ человѣкъ благочестивый, вѣрующій, образованный и пріятный; къ сожалѣнію онъ былъ нѣсколько легкомысленъ и любилъ веселую компанію. Впослѣдствіи, когда отецъ его былъ назначенъ Московскимъ митрополитомъ и черезъ нѣсколько времени ослѣпъ, онъ былъ какъ бы правой рукой отцу, но въ Москвѣ духовенство сильно его порицало. Очень можетъ быть, что по отсутствію характера и легкомыслію онъ уклонялся съ праваго пути, и мнѣ его очень жаль, потому что по душѣ онъ былъ человѣкъ расположенный къ добру.

Въ Николаевскѣ генераль-губернаторъ и наше морское начальство оказывали мнѣ, какъ адъютанту Великаго Князя Константина Николаевича, большое вниманіе, и къ обѣду мы всѣ сходились къ гене-

*) См. выше, стр. 257.

раль-губернатору, который черезъ нѣсколько дней собирался на парадъ подняться вверхъ по Амуру и очень любезно пригласилъ меня сопровождать его въ этомъ плаваніи.

Михаиль Семеновичъ Корсаковъ, любимый племянникъ графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго и его преемникъ по званію генераль-губернатора Восточной Сибири, былъ очень добрый и благонамѣренный и еще весьма молодой человекъ. Но онъ не могъ осуществить предположенія своего дяди, потому что ему не давали на то средствъ. Самъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій оставилъ свой постъ, потому что сильно былъ обезкураженъ и огорченъ: что ни Государь Александръ II-ой, ни его главные сотрудники, не находили возможности дать Муравьеву средства осуществить его предположенія для развитія края, его расширенія, заселенія и прочнаго благоустройства. Муравьевъ понималъ всю важность для Россіи ея крайняго Востока и считалъ необходимымъ пользоваться тогдашними политическими обстоятельствами: слабостью Японіи и Китая и, между прочимъ, междоусобною войною въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, чтобы Россіи занять на Восточномъ берегу Тихаго океана подобающее ей преобладающее положеніе. Но Государь, хотя и сознавалъ это отчасти, но считалъ, что у насъ для этого нѣтъ средствъ и не понималъ, что въ этомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ во многихъ другихъ, время драгоценно и что „*time is money*“¹⁾),—Англійская пословица, которую Николай Николаевичъ Муравьевъ любилъ часто приводить. Министры въ это же время: иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и военный были въ этомъ вопросѣ совершенно слѣпы и враждебны ему, и г.-губернаторство Корсакова, прошло въ простой поддержкѣ порядка и спокойствія. Когда подумаешь, что всѣ вопросы, кажущіеся теперь для Россіи столь важными, грозными, а нѣкоторые неразрѣшимыми тогда могли бы быть рѣшены *à petit bruit*²⁾ на всегда, въ нашу пользу, то дѣлается тяжело на сердцѣ, такъ что предпочитаешь объ этихъ вопросахъ и не думать, разъ что къ тому и не призванъ.

И такъ я долженъ былъ ѣхать изъ Николаевска въ Петербургъ курьеромъ и, какъ мнѣ было легко на сердцѣ, какъ я былъ счастливъ и благодаренъ Господу! Я сходилъ на лодку „Моржъ“ проститься съ нею и нашей доброй командой, съ которой мы такъ жили въ общихъ трудахъ и испытаніяхъ, и мнѣ было грустно съ ними разставаться. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ я никогда не встрѣтился и нигдѣ ни съ однимъ человекомъ изъ нашей команды. Такъ судьба соединяетъ и разлучаетъ людей. Даже изъ офицеровъ я видѣлъ только нѣсколько разъ командира Кроуна, лейтенанта Фесуна и механика Олюнина.

1) Время—деньги.

2) Втихомолку.

А самая лодка „Моржъ“ продолжала служить болѣе 20-ти лѣтъ въ Амурской флотиліи и Китайскихъ водахъ.

Капитанъ Кроунъ въ 70-хъ годахъ, будучи контръ-адмираломъ, былъ назначенъ главнымъ командиромъ во Владивостокъ, но по свойственному ему своеобразному пониманію вещей вообразилъ себѣ, что не обязанъ подчиняться генералъ-губернатору Пріамурскаго края, за что и былъ смѣненъ во время управленія Морскимъ Министерствомъ адмирала Шестакова. Остальная часть его жизни была печальная: онъ разошелся съ женой (своею двоюродною сестрою), которую прежде нѣжно любилъ. Онъ умеръ въ 80-хъ годахъ вице-адмираломъ и кавалеромъ Бѣлаго Орла, состоя въ резервѣ.

Лейтенантъ Николай Алексѣевичъ Фесунъ скоро послѣ возвращенія своего въ Петербургъ изъ плаванія „Моржъ“, женился на своей троюродной сестрѣ, дочери адмирала Василия Степановича Завойки, начальствовавшего на Камчаткѣ, во время Петропавловскаго боя, перешелъ потомъ на службу въ Черноморское Пароходное Общество и былъ долго агентомъ Общества въ Бейрутѣ, при чемъ достигъ при отставкѣ контръ-адмиральскаго чина. Я его не видалъ уже болѣе 30-ти лѣтъ.

Олюнинъ старшимъ механикомъ на Кронштадскомъ пароходномъ заводѣ, отецъ семейства, считается полезнымъ для службы и остался, какъ былъ, прекраснымъ, простымъ и добрымъ человѣкомъ; онъ бывалъ у меня нѣсколько разъ, и мы встрѣчаемся всегда съ неизмѣннымъ расположеніемъ и отрадой.

Штурмана Жохова (Донъ-Педро) и гардемарина Ирицкаго я никогда съ тѣхъ поръ не видѣлъ, а гардемарина Крыжановскаго видѣлъ разъ на праздникѣ Морскаго Кадетскаго Корпуса армейскимъ подполковникомъ.

Но мнѣ не удалось воротиться домой по Амуру и черезъ Сибирь. Такъ какъ я долженъ былъ ѣхать курьеромъ, то мнѣ показалось неприличнымъ, что адмиралъ Поповъ одновременно со мною отправлялъ другаго курьера лейтенанта И. А Зеленаго, если какънибудь онъ не объяснить этой посылки какоюнибудь, хотя вымышленною, причиною, о чемъ я пришелъ его просить, говоря, что иначе онъ и себя, и Зеленаго, и меня поставитъ предъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ неловкое положеніе: ибо или Великій Князь найдетъ, что посылка безъ причины одновременно двухъ курьеровъ въ одно мѣсто неосновательная трата денегъ, или найдетъ страннымъ, что, посылая курьеромъ его адъютанта, не поручаютъ ему отвезти бумагъ.

Адмиралъ Поповъ понялъ основательность моихъ доводовъ, и такъ какъ я въ то время никакъ не хотѣлъ лишить лейтенанта Зеленаго

радости поѣхать въ Россію и увидать своихъ родителей, то адмиралъ Поповъ призадумался, какъ это обдѣлать, и черезъ нѣсколько минутъ сказалъ мнѣ: „А знаете ли что? Поступите теперь ко мнѣ флагъ-капитаномъ и пойдите плавать“. Я, пламенно желая воротиться домой, сначала на отрѣзъ отказался отъ этого предложенія. Тогда адмиралъ мнѣ сказалъ: „Объщаю вамъ, что когда захотите, изъ всякаго порта, въ который только будемъ заходить, вы можете уѣхать“. Но я все таки отказывался, и тогда адмиралъ мнѣ сказалъ: „не давайте мнѣ рѣшительнаго отказа сегодня, а подумайте до утра, а завтра утромъ дайте мнѣ вашъ отвѣтъ“. И я пошелъ домой въ раздумьи. Придя домой, я сообщилъ своему хозяину, священнику Веніаминову, о своемъ затрудненіи и предложеніи адмирала Попова: „Знаете ли“, сказалъ мнѣ о. Веніаминовъ, „какъ отецъ мой поступалъ не разъ въ такихъ случаяхъ, когда не зналъ, какое рѣшеніе принять въ какомъ нибудь важномъ вопросѣ, касающемся его службы или жизни. Поступите какъ мой отецъ и, написавъ на двухъ запискахъ: на одной *принимать*, а на другой *не принимать*, сверните ихъ одинаково, положите, перекрестившись, въ Евангеліе и, помолившись съ вечера и утромъ усердно Господу, прося указать вамъ, чтѣ дѣлать, утромъ возьмите наугадъ одну изъ записокъ и чтѣ на ней написано, такъ и поступайте, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что это Божье указаніе на ваше благо“. Я такъ и сдѣлалъ, и на другой день, помолившись Богу, вынулъ одну изъ записокъ, развернулъ ее и прочелъ „*принимать*“. Я отправился къ адмиралу Попову, поблагодарилъ его за предложеніе и сказалъ, что принимаю его; при этомъ адмиралъ подтвердилъ мнѣ обѣщаніе, когда и откуда я захочу, отпустить меня въ Россію.

И такимъ образомъ возвращеніе мое было отложено на нѣкоторое время.

Черезъ нѣсколько дней мы перешли съ адмираломъ Поповымъ на клиперъ „Абрекъ“, и передъ отправленіемъ нашимъ въ море, лейтенантъ Зеленый былъ отправленъ курьеромъ въ Россію, и я поручилъ ему лично отвезти сестрѣ моей письмо, въ которомъ извѣщалъ ее о случившемся, общая ей ѣхать въ Россію, какъ только придемъ въ Санъ-Франциско.

Въ Дуэ, у острова Сахалина, адмиралъ Поповъ и я съ нимъ, мы перешли на клиперъ „Гайдамакъ“, на которомъ адмиралъ поднялъ свой флагъ. Клиперъ „Абрекъ“ взялъ „Гайдамака“ на буксиръ и повелъ его въ Шанхай. „Гайдамакъ“, не смотря на сдѣланныя въ немъ исправленія, имѣлъ жестокую течь, и помпы на немъ работали почти непрерывно; слава Богу, что погода стояла все время тихая и что его не слишкомъ раскачивало. Такимъ образомъ мы дошли до острова

Цу-Сима: тутъ адмиралъ перешелъ на „Абрекъ“, и мы продолжали свой путь при почти полномъ штилѣ.

Послѣ стоянія черезъ вахту на „Моржѣ“, служба моя въ званіи флагъ-капитана была истиннымъ блаженствомъ, и мнѣ даже казалось страннымъ быть въ морѣ и спать всю ночь спокойно. Андрей Александровичъ Поповъ былъ со мною чрезвычайно любезенъ, и служба моя была самая легкая.

Съ „Гайдамакомъ“ мы переговаривались, передавая на него вдоль буксира на концѣ бутылку, въ которую вкладывали записки и такимъ же образомъ получали оттуда отвѣты; все шло благополучно, течь не увеличивалась, и мы надѣялись, что доведемъ „Гайдамака“ благополучно до Шанхая, но въ суточномъ разстояніи отъ него, часовъ въ 6-ть вечера, вдругъ капитанъ „Абрека“ вѣбжалъ къ адмиралу въ каюту и сказалъ ему: „Андрей Александровичъ, на „Абрекъ“ пожаръ“. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе. Ударили *пожарную* тревогу и стали тушить пожаръ; буксиръ отдали и пары прекратили; оказалось, что на „Абрекъ“ загорѣлся уголь въ угольныхъ ящикахъ. Къ счастью, пожаръ былъ скоро потушенъ, не успѣвъ распространиться дальше угольныхъ ящиковъ.

Тогда адмиралъ приказалъ снова подать буксиръ на „Гайдамакъ“ и приказалъ на „Абрекъ“ поставить паруса; но за отсутствіемъ вѣтра ихъ пришлось сейчасъ же убрать, и адмиралъ приказалъ спустить двѣ шлюпки и подать на нихъ буксиръ, такъ что эти двѣ шлюпки подъ веслами должны были буксировать „Абрекъ“, тянувшій на буксирѣ „Гайдамака“, и понятно, что мы качались на мѣстѣ, не подаваясь впередъ. Но признаюсь, жутко было смотрѣть, какъ эти двѣ шлюпки, надрываясь, чтобы тащить „Абрека“ и „Гайдамака“, качались на высокихъ океанскихъ волнахъ и когда „Абрекъ“ опускался носомъ съ гребня волны внизъ, то тащилъ назадъ шлюпки, и адмиралъ, видя бесполезность этого маневра, наконецъ приказалъ буксиры убирать, поднять шлюпки и снова ставить паруса, черезъ минуту снова ихъ убрать.

Все это происходило такъ скоро одно за другимъ, что казалось, дѣлалось одновременно, и въ то время, когда ставили гротъ, то одному матросу зажало палецъ руки въ блокъ-гротѣ. Матросъ завылъ, и брызнула кровь, а командиръ „Абрека“, стоявшій на мостикѣ рядомъ съ адмираломъ, сказалъ ему: „Вотъ, ваше превосходительство слѣды вашей системы; моя команда не можетъ въ одно и тоже время исполнять 49-ть противоположныхъ приказаній“. Адмиралъ въ бѣшенствѣ крикнулъ: „Какъ-съ! Это говоритъ адмиралу капитанъ?“ и побѣжалъ внизъ къ себѣ въ каюту. Мы все ожидали великаго скандала, но кончилось ничѣмъ. Въ 8 часовъ вечера, когда у адмирала подали чай,

онъ послалъ пригласить и командира; тотъ вошелъ, поклонился и сѣлъ молча пить чай. Выпивъ чай, онъ снова поклонился адмиралу и молча же ушелъ, а на другой день они разговаривали, какъ будто ничего не бывало, и я не знаю, было ли у нихъ объясненіе или нѣтъ.

„Гайдамаку“ же съ вечера было отдано приказаніе держаться однимъ курсомъ съ нами и стараться не терять насъ изъ виду, а если скроется отъ насъ изъ вида, то каждые полчаса дѣлать выстрѣлы изъ пушки. Скоро сталъ задувать легкій вѣтерокъ, паруса наши наполнились, и мы шли тихо въ бендевиндъ, и „Гайдамакъ“ скоро скрылся изъ вида; сначала мы каждый часъ слышали его пушки, но въ концѣ ночи выстрѣлы прекратились, и нашъ адмиралъ затревожился.

„Абрекъ“ развелъ пары, повернулъ назадъ, и часа черезъ два мы обрѣли, къ счастью, „Гайдамака“, который опять взяли на буксиръ и уже дошли такимъ образомъ до Шанхая благополучно. Но, по пути, записками въ бутылкахъ, адмиралъ Поповъ осыпалъ командира „Гайдамака“ А. А. Пещурова колкими упреками, по правдѣ незаслуженными: ибо виноватъ былъ не разбитый и едва державшійся на водѣ „Гайдамакъ“, а „Абрекъ“, имѣющій паровую машину и полноспособность передвиженія, и „Абреку“ надлежало слѣдить за „Гайдамакомъ“ и не терять его изъ виду. Безпокойство адмирала было его извиненіемъ; дѣйствительно, „Гайдамакъ“ едва держался на водѣ; если бы усилилось волненіе и его бы раскачало, то онъ могъ бы весьма легко и затонуть.

Андрей Александровичъ Поповъ былъ добрый и сердечный человекъ, но страшно горячъ и большой фантазеръ и съ подчиненными держалъ себя очень неровно, то по добротѣ своей допуская излишнюю фамильярность, то въ припадкахъ гнѣва жестоко оскорбляя людей. Но тѣмъ не менѣе онъ былъ замѣчательный эскадренный начальникъ и доводилъ суда своей эскадры до высшей степени боевой готовности и подвижности и образовалъ многочисленную школу храбрыхъ и лихихъ морскихъ офицеровъ.

Въ Шанхаѣ мы пробыли недѣлю, въ концѣ которой „Гайдамакъ“ могъ быть введенъ въ одинъ изъ имѣвшихся тамъ частныхъ доковъ. Средняя часть его дна была совсѣмъ разбита, и надо было удивляться, какъ онъ благополучно могъ быть доведенъ отъ Сахалина до Шанхая.

Но я мало могъ ознакомиться съ самимъ Шанхаемъ, не привыкнувъ къ сквознымъ вѣтрамъ, которые здѣсь въ гостинницѣ съ намѣреніемъ производятъ, чтобы имѣть хотя немного воздуха; у меня сдѣлался нарывъ на деснѣ, и я почти все время нашего пребыванія здѣсь очень страдалъ. Однако, не смотря на боль, я ходилъ нѣсколько разъ въ городъ, чтобы посмотреть его фizioномію и имѣть понятіе о Китайскомъ городѣ. Шанхай находится на берегахъ Возунга, одного изъ

устье въ Синей рѣки соединенной съ заливомъ Печи-Ли Императорскимъ каналомъ. Берега нижняго теченія Возунга такъ низки, что ихъ почти не видно, и только длинная вереница массы пароходовъ, парусныхъ Европейскихъ и Китайскихъ судовъ обозначаетъ направленіе рѣки. Самый городъ находится верстахъ въ 30-ти отъ моря. Это огромный городъ въ 300 тысячъ жителей, и торговля въ немъ ввозная и вывозная большая. Самый городъ состоитъ изъ двухъ городовъ. Одинъ Европейскій, въ которомъ всё дома и конторы купеческихъ домовъ и богатыхъ такъ называемыхъ „*Merchant Princes*“, и консульства иностранныхъ державъ и всё отели. Второй—Китайскій городъ, окруженный высокими стѣнами съ грязными улицами, кишачими народомъ, и движеніе въ немъ поразительно большое. Мы остановились въ отелѣ *Astorhouse*, устроенномъ на Европейскую ногу, но гдѣ вся прислуга Китайская.

Но съ Китайцами и ихъ жизнью познакомиться очень трудно, потому что ихъ домашняя жизнь замкнута для Европейцевъ, и ихъ возрѣнія на жизнь такъ отличны отъ Европейскихъ, что кромѣ торговыхъ дѣлъ, у кого они есть, другихъ пунктовъ соприкосновенія нѣтъ никакихъ. Если вы даже познакомилсь съ Китайцами, и если они васъ захотятъ почтить или угостить, то или приглашаютъ васъ въ гостиницу или примутъ васъ у себя, но въ комнатахъ, совершенно отдѣльных отъ семейныхъ, и никого изъ членовъ семейства женскаго пола вы никогда не увидите. Только долгимъ пребываніемъ въ Китаѣ и знакомствомъ съ ихъ языкомъ и обычаями пріобрѣтается возможность нѣсколько болѣе близкаго знакомства, что и достигалось нѣкоторымъ рѣдкимъ членамъ нашей духовной миссіи въ Пекинѣ и нѣкоторымъ Русскимъ торговцамъ чаемъ, живущимъ въ факторіяхъ.

Побывъ недѣлю въ Шанхаѣ, мы отправились на клиперѣ „Абрекъ“ въ Нагасаки, гдѣ провели нѣсколько дней и нагрузились углемъ. Въ Нагасаки адмиралъ и я мы были приглашены остановиться въ Голандской факторіи, знаменитой Децимъ; она еще сохраняла свой прежній видъ, т. е. была окружена высокимъ деревяннымъ заборомъ (тыномъ), какъ въ тѣ времена, когда Голандцы не смѣли выходить за предѣлы Децимы.

Изъ Нагасаки мы прошли въ Хакодате, гдѣ адмиралъ Поповъ затѣялъ переговоры съ губернаторомъ о постановкѣ Русскимъ правительствомъ плавучаго маяка у входа въ Хакодате. Но губернаторъ, принявъ насъ съ большимъ почетомъ и вѣжливостію, съ неизбѣжнымъ Японскимъ обѣдомъ, выслушавъ предложеніе адмирала повидимому очень сочувственно, всетаки въ концѣ концовъ сказалъ ему, что этотъ

вопросъ оный рѣшить не имѣеть права, и что донесеть объ этомъ высшему правительству, что было совершенно основательно.

Изъ Хакодате мы на „Абрекѣ“ прошли въ Камчатку, въ Петропавловскъ, который со временемъ перенесенія главнаго приморскаго края былъ въ большомъ упадкѣ, но всетаки наше Русское поселеніе тамъ совершенно укоренилось, и Петропавловскъ дѣйствительно былъ уголкомъ настоящей Россіи; тутъ я только почувствовалъ себя уже на родинѣ.

Я съ интересомъ обозрѣлъ гавань и ея окрестности, на которыхъ разыгрался Петропавловскій бой въ 1855 году, когда нами столь геройски было отбито нападеніе Англо-Французской эскадры. Въ этомъ боѣ командиръ „Абрека“ Константинъ Павловичъ Пилкинъ, командуя небольшимъ отрядомъ нашихъ матросовъ съ фрегата „Авроры“, на которомъ онъ былъ тогда лейтенантомъ, геройски сбросилъ съ утесистаго берега Англо-Французскій десантъ; но героемъ этого дня былъ командиръ „Авроры“ капитанъ лейтенантъ Иванъ Николаевичъ Изыльметьевъ (у котораго я въ 1852 году служилъ на корветѣ „Князь Варшавскій“). Фрегатъ стоялъ однимъ своимъ бортомъ вдоль внутренней стѣны гавани и стрѣлялъ изъ орудій одного борта по эскадрѣ, а пушки съ другаго борта, обращеннаго къ внутренней сторонѣ гавани, были свезены съ фрегата, и ими было вооружено нѣсколько береговыхъ батарей. Одной изъ нихъ командовалъ лейтенантъ князь Александръ Петровичъ Максудовъ, который былъ одновременно со мной посланъ съ гардемаринами въ 1853 году на фрегатѣ „Аврора“, а я на корветѣ „Наваринъ“. Бѣдному князю Максудову была въ то время оторвана рука по плечо и, черезъ нѣсколько дней, онъ умеръ отъ своей раны. Онъ погребенъ на Петропавловскомъ кладбищѣ, и на могилѣ его поставленъ чугунный крестъ. Я посѣтилъ могилу этого прекраснаго чловѣка, моего дорогаго товарища и помолился о упокоеніи его души. Могъ ли я думать, разставаясь съ нимъ осенью 1853 г. въ Портсмутѣ, что плаванія наши кончатся столь различно, что я его больше не увижу и буду заброшенъ въ Камчатку на его безвременную могилу!

Погода въ Петропавловскѣ стояла лѣтняя, какъ у насъ въ средней Россіи, все было зелено (Іюль мѣсяць) и лѣса и луга: мы даже ѣздили на какую-то ферму въ двухъ-трехъ верстахъ отъ города; дорога шла лѣсомъ и живо напоминала намъ наши деревенскія, проселочныя дороги въ Московской губерніи. Но на фермѣ насъ ожидало большое разочарованіе. Превосходное, по видимому молоко, простокваша и прочіе молочные продукты, до такой степени отзывались чеснокомъ, что ихъ нельзя было взять въ ротъ; намъ сказали, что это происходитъ отъ преобладанія, въ растущей здѣсь травѣ, дикаго чеснока. Но мѣстные

жители Камчатки такъ къ этому привыкли, что не обращали на этотъ противный вкусъ и запахъ ни малѣйшаго вниманія и кушали все съ большимъ удовольствіемъ. Обиліе здѣсь чеснока большое благодѣяніе природы, такъ какъ это прекрасное противу-цынготное средство, а цынга очень распространенная здѣсь болѣзнь. Другое благодѣяніе природы для мѣстныхъ жителей это теплые ключи минеральной воды (температура—20 градусовъ), наполняющей небольшое озеро, находящееся тоже недалеко отъ Петропавловска; въ немъ больные ревматизмами (тоже преобладающая здѣсь болѣзнь) лечатся ваннами и лѣтомъ и зимою съ большою пользою. Намъ рассказывали, что когда купаются тутъ зимою, то тѣлу очень тепло, а волоса и бороды и брови покрываются инеемъ. Лѣтомъ въ Камчаткѣ довольно тепло; въ садахъ я видѣлъ тѣже цвѣты, что растутъ въ нашихъ Петербургскихъ садахъ; но лѣто коротко. Изъ овощей растутъ, и капуста, и картофель, и рѣдька, и марковь, и рѣпа, но озимые хлѣба здѣсь невозможны, а яровые, т. е. овесъ, растутъ.

Петропавловскъ мы нашли въ нѣкоторомъ запущеніи, со времени перенесенія правительственнаго управленія восточнаго побережья въ Николаевскъ, и тоже самое произошло и съ Николаевскомъ, когда управленіе портами восточнаго океана перенесли во Владивостокъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что Петропавловскъ поднимется и будетъ большимъ городомъ, когда станутъ разрабатывать минеральныя богатства Камчатки и въ особенности золото, которое очень обильно въ Камчаткѣ, по словамъ здѣшнихъ жителей, и самое геологическое строеніе этой вулканической и гористой области указываетъ на ея великое минеральное богатство. Въ Петропавловскѣ адмирала уже ожидала „Калевала“, подъ командою капитана 2-го ранга Феодора Николаевича Желтухина. Адмиралъ, пересѣвъ на „Калевалу“, поднялъ на ней свой флагъ, и на „Калевалѣ“, сопровождаемые „Абрекомъ“, мы пошли вдоль Алеутскихъ острововъ въ Ново-Архангельскъ, главный портъ нашихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній и резиденцію правителя Американской компаніи.

Погода стояла ясная и днемъ довольно теплая, но ночи были холодныя, и вѣтеръ дулъ свѣжій, разводя огромное волненіе, такъ что „Калевала“ потеряла ночью отъ волненія свой *утлегарь*. Я съ услаженіемъ смотрѣлъ на умѣніе и отважное управленіе капитана Желтухина. Такъ какъ вѣтеръ намъ былъ попутный, то, прекративъ пары, мы шли все время подъ парусами, и Желтухинъ почти все время держался подъ брамселями, не показывая опасенія за свой рангоутъ, но, наконецъ ночью насъ вогвало въ марсея съ двумя рифами.

Ө. Н. Желтухинъ всю службу свою провелъ въ Гвардейскомъ Экипажѣ, въ то время, когда имъ командовалъ Самуилъ Ивановичъ Мофеть, который самъ былъ прекраснымъ морскимъ офицеромъ и съумѣлъ образовать цѣлую плеяду бравыхъ и хорошихъ морскихъ офицеровъ. С. И. Мофеть, былъ морскимъ практическимъ руководителемъ Великаго Князя Константина Николаевича и всегда командовалъ тѣмъ судномъ, на которомъ плавалъ юный Великій Князь, между прочимъ и фрегатомъ „Паллада“, который уже послѣ этого ходилъ въ Китай и Японію съ графомъ Путятинымъ.

Алеутскихъ острововъ мы изъ за тумановъ не видали, хотя шли не очень отъ нихъ далеко и пришли благополучно въ Ново-Архангельскъ, гдѣ стали на якорь въ обширной и превосходно укрытой отъ всякихъ вѣтровъ гавани. Правителемъ колоніи былъ тогда капитанъ 1-го ранга Фуругельмъ. Не знаю отчего и почему адмиралъ Поповъ былъ худо къ нему расположенъ и враждебенъ самой Россійско-Американской компаніи. Эти чувства, которыя адмиралъ Поповъ проявлялъ во все время нашего пребыванія въ Ново-Архангельскѣ, очень тяжело отражались на всѣхъ, нисколько однако не уменьшая интереса этого посѣщенія. Вражда адмирала къ компаніи была, скажу прямо, *совершенно не основательна*, но онъ былъ большой фантазеръ, очень увлекающійся челоуѣкъ и, главное, принимающій свои увлеченія и фантазіи за проявленіе *своего гения!* Адмиралъ Поповъ уже тогда говорилъ, что Русско-Американская компанія, кромѣ вреда, ничего не приноситъ и что Русскую Америку слѣдуетъ продать Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, чтобы этимъ приобрѣсти ихъ вѣчную дружбу, благодарность, и солидарность съ нами противъ Англіи; и этотъ самоуничтожающій и самоубійственный проэктъ онъ и провелъ по возвращеніи своемъ въ Россію, благодаря своему вліянію на Великаго Князя Константина Николаевича. И что же, Американскіе Штаты купили у насъ нашу Америку за 7,000,000 долларовъ и напротивъ, сдѣлавшись сосѣдями нашихъ Азіатскихъ береговъ, имѣють теперь безпрестанные съ нами споры изъ-за Американскихъ шкиперовъ, грабящихъ наши берега и нарушающихъ наши законы о торговлѣ и охотѣ за котиками и прочими морскими животными. Мы совершенно понапрасну отказались отъ нашей Американской территоріи, столь богатой золотомъ и обладаніе которою именно и обезпечивало наши хорошія отношенія съ Сѣверо-Американскими Штатами: ибо оно создавало намъ общіе интересы съ ними противъ Англіи, владѣнія которой въ Америкѣ находились между нашей Америкой и Калифорніей, составляющей владѣніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Я не говорю уже о престижѣ Россіи, распространяющей свое владычество въ трехъ странахъ свѣта, Европѣ,

Азіи и Америкѣ. Американская компанія правительству нашему ничего не стоила и держала свои владѣнія въ большомъ порядкѣ, замѣняя прекрасно всякое правительство и способствуя всегда и во всемъ всѣмъ правительственнымъ видамъ и дѣйствіямъ. Наконецъ, Россіей, преосвященнымъ Инокентіемъ, были обращены въ христіанство жители Алеутскихъ острововъ, и Русско-Американская компанія установила благодѣтельные правила для ловли котиковъ и бобровъ и прочихъ морскихъ животныхъ, благодаря которымъ предупреждалось ихъ истребленіе, и Алеуты, въ предѣлахъ возможнаго, были избавлены отъ обѣдненія, лишенія своихъ промысловъ и нападеній Американскихъ шкиперовъ-бандитовъ. Теперь жители этихъ острововъ эксплуатируются безжалостно, промыслы разоряются варварскимъ истребленіемъ морскихъ животныхъ, и Американскіе шкипера спаиваютъ Алеутовъ, которымъ при Русскомъ управленіи былъ запрещенъ ввозъ спиртныхъ напитковъ. Жители Алеутскихъ острововъ были достойны хорошаго о нихъ попеченія и отеческой о нихъ заботы; они отъ природы обладаютъ тѣми христіанскими добродѣтелями, которыя христіанское ученіе старается внушать людямъ. Кротость, честность и прямота, безпредѣльная покорность волѣ Божьей и привязанность къ христіанской вѣрѣ, въ которой они нашли утѣшеніе и поддержку въ лишеніяхъ и бѣдности, налагаемыхъ на нихъ суровостью ихъ климата, опасностями ихъ жизни, проводимой на утлыхъ ладьяхъ, плавающихъ по бурному морю, все это дѣлало ихъ такимъ добродѣтельнымъ и симпатичнымъ населеніемъ, которое было истинно-достойно покровительства Россіи и ея попеченія, и это все было благодаря Русско-Американской компаніи, а теперь все это уничтожено, и это бѣдное населеніе, какъ всѣ дикари, не можетъ устоять противъ искушенія пьянства, безбожно спаивается и эксплуатируется Американскими торговцами, а правительство бессильно сдѣлать что нибудь для огражденія этого населенія, которое обречено на постепенное уничтоженіе, такъ же, какъ и Индѣйцы на Сѣверо-Американскомъ материкѣ, да еще скорѣе, потому что Алеутскіе острова, ничего не производятъ для прокормленія своего населенія, которое только и жило охотою за морскими животными.

Всѣ эти соображенія были совершенно ясны и понятны всѣмъ и тогда, и люди благоразумные съ огорченіемъ видѣли безразсудную войну, затѣваемую противъ Русско-Американской компаніи; но никто тогда и не подозрѣвалъ, что адмиралъ Поповъ успѣетъ провести свои зловредныя для Россіи намѣренія. Меня эти замыслы адмирала Попова противъ Русско-Американской компаніи и продажи нашихъ Американскихъ владѣній Сѣверо-Американскимъ Штатамъ очень огорчали и отвратили мое сердце отъ него. Я отдавалъ ему полную справедли-

вость, какъ челоѣку, имѣющему сердце, доступное къ хорошимъ чувствамъ, склонному сдѣлать ближнему добро, но его несдержанность и фантазерство отдаляло меня нравственно отъ него.

Мы пробыли въ Ново-Архангельскѣ нѣсколько дней. и я нашелъ въ немъ большое благоустройство и порядокъ. Меня очень интересовали особенности этой колоніи: Индѣйцы, туземцы, Каломши народъ воинственный и коварный, въ самый городъ или правильнѣе *крѣпость*, окруженную заборомъ и укрѣпленную, *не допускаются*. Устроены особенный огражденный и укрѣпленный мѣновой дворъ внѣ крѣпости; туда и привозятъ туземцы свои товары, мѣха, мясо убитыхъ звѣрей и дичь, и на этомъ дворѣ и происходятъ всѣ коммерческія транзакціи Русскихъ съ туземцами.

Островъ Ситха, на которомъ находится Ново-Архангельскъ, очень гористый, но самый городъ или правильнѣе крѣпость и поселокъ расположены на прибрежной, хотя холмистой, части острова. За стѣной, ограждающей городъ, находится Каломское селеніе; оно состоитъ изъ ряда хижинъ, имѣющихъ видъ собачьихъ конуръ съ круглымъ окномъ на лицевой сторонѣ; это окно служитъ и дверью, и единственнымъ окномъ. Внутри страшная грязь и вонь. Недалеко отъ города начинаются высокія горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, а вершины ихъ вѣчными снѣгами. Всѣ учрежденія колоніи въ Ново-Архангельскѣ были въ большемъ порядкѣ: портъ, суда, складочные магазины, все носило на себѣ печать благоустройства, порядка и изобилія. Однимъ словомъ, слѣдовало бы только радоваться, глядя на этотъ отдаленный пунктъ Русскихъ владѣній, пользующійся такимъ благоустройствомъ и приносящій всему краю столько пользы!

Простоявъ нѣсколько дней въ Ново-Архангельскѣ, мы отправились въ Ванкуверъ, главное складочное и административное мѣсто Гутсонъ-Байской компаніи. Ванкуверъ принадлежитъ Британской Колумбіи и уже составляетъ часть Англійскихъ владѣній въ Канадѣ. У меня о Ванкуверѣ, гдѣ мы оставались только три дня, осталось смутное воспоминаніе. Помню, что самый городокъ—деревянное незначительное поселеніе и что природа Ванкувера очень бѣдная, напоминающая по своей растительности Петербургскую губернію. Близъ города въ большихъ балаганахъ живетъ племя Индѣйцевъ, которые своими національными костюмами и перьями въ волосахъ напоминаютъ героевъ романовъ Фенимора Купера, но увы! близость бѣлыхъ и города имѣетъ на нихъ самое худое вліяніе, и эти несчастные живутъ воровствомъ, нищенствомъ и гибнутъ отъ пьянства. Видъ ихъ производитъ самое тяжелое впечатлѣніе.

Изъ Ванкувера адмиралъ Поповъ отправился съ „Калевалой“ и „Абрекомъ“ въ Санъ-Франциско. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ Югу, погода становилась мягче и яснѣе, и когда мы прибыли благополучно на чудный Санъ-Францискій рейдъ, было ясно и тепло, какъ лѣтомъ.

Въ Санъ-Франциско мы провели время очень пріятно. Корветъ „Калевала“ стоялъ тамъ почти всю зиму, наши офицеры пріобрѣли въ Санъ-Франциско обширное знакомство, и ихъ тамъ очень любили. Во время переходовъ офицеры показывали мнѣ фотোগрафіи своихъ Санъ-Францискскихъ знакомыхъ, и меня поразила карточка одной дѣвицы м-ль Вертерманъ, такъ она была красива. Она между офицерами называлась „*La perle de S. Francisco*“. Меня познакомили съ нею и ея семействомъ; дѣйствительно, она была очень красива, мила, симпатична, добра и любезна. Въ это время она была уже невѣстою одного господина Девиля, Француза изъ Канады, котораго наши офицеры тоже очень любили. Непремѣннымъ членомъ этого семейства былъ дядя м-ль Вертерманъ, богатый банкиръ Гиучъ, обожавшій свою племянницу, и мы въ обществѣ этого семейства очень любили находиться, а черезъ нихъ познакомились и съ другими семействами, но больше съ дочерьми этихъ семействъ. Но мнѣ не понравился обычай Американцевъ, по которому дѣвицы приглашаютъ къ себѣ въ гости кавалеровъ, помимо родителей, и всякій разъ, когда, приходя въ гости къ этимъ дѣвицамъ, мы проходили къ нимъ въ комнату, мимо родителей, сидящихъ въ гостинной и съ которыми мы только молча раскланивались, мнѣ было совѣстно и чувствовалось, что родители весьма не охотно покоряются этому обычаю, по которому Богъ знаетъ кто, помимо ихъ, входитъ въ комнаты ихъ дочерей, и мнѣ казалось, что они смотрѣли на насъ почти враждебно. Да и удовольствія никакого отъ такихъ знакомствъ не было. Во первыхъ, кромѣ м-ль Вертерманъ, ни одна изъ дѣвицъ не имѣла ничего привлекательнаго, и всѣ онѣ были такія суетныя и пустыя. Къ тому же, молодому человѣку въ Америкѣ съ дѣвицами надо быть очень осторожнымъ, чтобы васъ какънибудь обманомъ и интригами не заставили жениться. И признаюсь, самая свобода Американскихъ дѣвицъ лишаетъ ихъ въ моихъ глазахъ главной прелести молодой дѣвушки: скромности и нѣкоторой застѣнчивости и невинности, и я предпочитаю нашихъ Русскихъ дѣвицъ и нашъ обычай, по которому нѣкоторое сближеніе съ дѣвицами дѣлается только съ позволенія родителей, и молодые люди получаютъ входъ въ домъ только черезъ отца и мать. И вообще Американскіе нравы были мнѣ не по сердцу. Я этимъ знакомствамъ не далъ ходу, и меня гораздо болѣе занималъ самый городъ Санъ-Франциско и прогулки по немъ, описанія его

быстраго развитія и рассказы о многихъ эпизодахъ его своеобразнаго быта, а также многихъ, поразительныхъ случайностейъ нѣкоторыхъ изъ его жителей и внезапнаго ихъ обогащенія.

Я былъ очень счастливъ отдохнуть на берегу, въ прекрасномъ городѣ Санъ-Франциско. Вспоминалась мнѣ книга Токвиля о Соединенныхъ Штатахъ, которою я такъ восторгался еще въ 1850 г.

Въ это время было нѣкоторое затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ: Макъ-Келланъ только что былъ отозванъ, и правительство Сѣверныхъ Штатовъ готовило грозное возобновленіе дѣйствій. Хотя Санъ-Франциско по своему положенію на берегахъ Тихаго океана былъ совершенно отдѣленъ отъ театра войны, но всѣ симпатіи этого штата, въ которомъ нѣтъ невольничества, были на сторонѣ Сѣвера, и его дѣло было такъ справедливо, ресурсы Сѣвера такъ велики въ сравненіи съ Югомъ, что здѣсь всѣмъ, и мнѣ тоже, твердо вѣрилось въ окончательное торжество Сѣвера.

Согласно условію, сдѣланному мною съ адмираломъ Поповымъ еще въ Николаевскѣ, при поступленіи къ нему флагъ-капитаномъ, что я во всякомъ портѣ могу уѣхать въ Россію, я пожелалъ теперь поѣхать въ Петербургъ. Адмиралъ Поповъ уговаривалъ меня еще съ нимъ поплавать и посѣтить Австралію, куда черезъ недѣлю онъ долженъ былъ идти. Въ это время колебанія я имѣлъ радость получить отъ сестры письмо, изъ котораго видно было, что ея духовное настроеніе было спокойно и далеко отъ унынія. Она настойчиво звала меня домой, потому что меня ожидаетъ *ничто такое, чтò для меня очень важно и хорошо*, но чтò это такое, она мнѣ не могла написать. Это письмо положило конецъ моимъ колебаніямъ, я и отпросился у Попова ѣхать въ Россію. Онъ меня весьма дружелюбно отпустилъ.

Я прожилъ еще недѣлю въ Санъ-Франциско очень пріятно, наслаждаясь всякимъ шагомъ на сушѣ, всякимъ обѣдомъ, всякимъ общеніемъ съ людьми, всякой прогулкой, спектаклемъ. Когда человекъ, послѣ долгой болѣзни возвращается къ жизни, онъ радуется первой колеткѣ, первой прогулкѣ и т. п.; такъ и послѣ долгаго плаванія возвращаешься съ радостью къ жизни на землѣ.

Изъ Санъ-Франциско я отправился на пароходѣ до Панамы. Плаваніе это продолжалось недѣлю на пароходѣ „*Constitution*“ и было очень пріятно: постоянно тихая, ясная погода, тепло, настоящее наслажденіе.

Панамскій перешеекъ мы переѣхали по желѣзной дорогѣ въ Asripwal. Со мной ѣхалъ мой неизмѣнный Михайло, уже совершившій со мною кампанію въ Аральское море и плаваніе на лодкѣ „Моржъ“ изъ Европы къ берегамъ Амура. Когда мы переѣхали черезъ перешеекъ на берегъ Атлантическаго океана, и я ему объявилъ, что мы

теперь поплывемъ Атлантическимъ океаномъ въ Европу, то Михайло никакъ не могъ понять, какъ это мы шли изъ Европы Атлантическимъ океаномъ въ Тихій такъ долго, а теперь въ два часа времени прѣѣхали изъ Тихаго океана въ Атлантическій. Онъ этого и не понялъ до конца жизни.

Въ тотъ день я отправился изъ Aspin'waal'a на пароходъ въ Нью-Йоркъ, но это плаваніе не было похоже на плаваніе парохода Constitution. Погода была все время сѣрая, часто холодная, временами свѣжо, но главное, что пароходъ былъ прегадкій, очень небольшой и худо устроенный для удобства пассажировъ. Мнѣ это объясняли тѣмъ, что эта линія содержится извѣстнымъ богачемъ Вандербильтомъ, съ которымъ не приходило никому и въ голову дѣлать конкуренцію и даже, что нѣкоторыя жалобы, дошедшія до Вандербильта на его пароходы, такъ его разсердили, что онъ намѣренно не допускаетъ улучшеній. Примѣръ деспотизма въ странѣ свободы!

Вообще пребываніе въ Сѣверныхъ Штатахъ очень полезно, но оно принесло мнѣ большія разочарованія во многихъ моихъ иллюзіяхъ и многое, что вслѣдствіе книги Токвиля, казалось прекраснымъ и желательнымъ, я сталъ видѣть въ совершенно иномъ свѣтѣ, начиная съ самой войны, тогда свирѣпствовавшей въ Америкѣ изъ за невольничества. Въ то же самое время въ Россіи, благодаря самодержавной власти, освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ было совершено безъ пролитія крови и даже безъ нарушенія спокойствія. И вообще я замѣчалъ, что со времени появленія книги Токвиля многое въ Соединенныхъ Штатахъ измѣнилось, какъ бы *сдвинулось* съ мѣста, развилось, но многое развилось *не въ ту сторону, въ которую ожидалось*. Правда, живительное вліяніе свободы почти всегда производило свое дѣйствіе, но люди всегда и вездѣ съ тѣми же страстями и пороками, и всякое общество имѣетъ свои худыя стороны, а въ Америкѣ ихъ очень много, и Американскія учрежденія и нравы во многомъ несимпатичны.

Въ Нью-Йоркѣ я остановился въ лучшей гостинницѣ въ Fifth avenue. Городъ мнѣ очень понравился. Въ то время еще не было ни 15 этажныхъ зданій, ни электрическихъ omnibusовъ, но это былъ огромный, людной и прекрасный городъ. Меня поразило отсутствіе монументовъ, того что называется общественными зданіями, и очень мнѣ понравились аллеи деревьевъ во всѣхъ почти улицахъ, что давало городу такой веселый и красивый характеръ, не говоря уже о пользѣ въ гигиеническомъ отношеніи. Но не имѣя никого знакомыхъ, я чувствовалъ себя одинокимъ и какъ всегда въ такихъ случаяхъ, чѣмъ больше городъ, тѣмъ это чувство сильнѣе. Два дня я былъ нездоровъ и потомъ отправился въ Вашингтонъ.

Тамъ нашъ посланникъ г-нъ Стеклъ принялъ меня самымъ ласковымъ и дружественнымъ образомъ. Онъ и его супруга (она Американка, очень почтенная и симпатичная) пригласили меня жить у нихъ въ домѣ и такъ настоятельно, что я уступилъ и переѣхалъ и прожилъ у нихъ дней десять чрезвычайно пріятно. Тутъ же былъ Саша Давыдовъ, братъ графа В. П. Орлова-Давыдова, съ которымъ я прежде былъ очень хорошо знакомъ. Онъ былъ секретаремъ посольства.

Посланникъ возилъ меня къ президенту Линкольну въ Бѣлый домъ. Президентъ былъ очень любезный и на просьбу Стекла о дозволеніи мнѣ посѣтить дѣйствующую армію (противъ южанъ) отвѣчалъ, что очень бы радъ это дозволить, но что теперь въ это время смѣнили генерала Макъ-Келлана, армія мѣняетъ свои позиціи, сообщеніе очень трудное и надо нѣсколько подождать. Оно и дѣйствительно было неудобно; во первыхъ, никого изъ иностранцевъ въ это время въ армію не пускали, полная тайна о ея движеніяхъ была необходима, да и время въ стратегическомъ отношеніи было самое переходное. Фаррагутъ только что прорвался въ устье Миссисипи и взялъ Новый Орлеанъ; а на сухомъ пути только что кончилась первая часть кампаніи, не вполне благоприятная для Сѣвера; но собранныя Сѣверомъ средства были огромны и, благодаря имъ, только начиналось образовываться то желѣзное кольцо, которое теперь мало по малу начинало охватывать враждебные, южные штаты и наконецъ совершенно задушило и покорило ихъ.

Во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ всѣ вѣрили въ правоту своего дѣла, т. е. сохраненіе союза всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ и справедливости уничтоженія невольничества. И это общее одушевленіе, благородное, возвышенное чувство, вѣру въ правоту своего дѣла и въ окончательное свое торжество я видѣлъ ясно во всѣхъ своихъ поѣздкахъ по разнымъ городамъ. Русское правительство, какъ извѣстно, открыто заявило свое сочувствіе Сѣверному правительству и общественное чувство въ Россіи было совершенно на сторонѣ освобожденія невольниковъ. Я эти чувства вполне раздѣлялъ и, видя общее возбужденіе и громадность средствъ Сѣверныхъ Штатовъ въ сравненіи съ южными, не могъ не повѣрить въ окончательное торжество Сѣвера надъ Югомъ. Позволеніе ѣхать въ армію все откладывалось, время проходило, наступалъ срокъ отъѣзда, и такъ я въ армію и не попалъ.

При представленіи президенту въ разговорѣ мнѣ пришлось ему сказать, что сына посланника зовутъ въ Вашингтонѣ „Prince of Wales“ (онъ былъ единственный, обожаемый и долго ожидаемый сынъ). Президентъ мнѣ отвѣтилъ: „а моего сына зовутъ Prince of rails, because

I was a rail splitter!“¹⁾ Вообще Линкольнъ поразилъ меня своимъ достоинствомъ, исполненнымъ простоты и привѣтливости.

Я покинулъ Нью-Йоркъ въ началѣ Ноября, и 18-го Ноября мы прибыли на одномъ изъ пароходовъ благополучно въ Ливерпуль. Въ ту же ночь (это было въ Субботу) я прибылъ въ Лондонъ и въ Воскресенье утромъ, 19-го Ноября, поѣхалъ къ обѣднѣ въ нашу церковь въ Old Bond-Street. О какъ велика была моя радость и благодарность Господу, сохранявшему меня во время долгаго и опаснаго плаванія и какъ я былъ счастливъ послѣ двухъ лѣтъ быть опять въ этой церкви, гдѣ я въ зиму передъ отправленіемъ такъ усердно молился съ сокрушеннымъ горестью сердцемъ. Хотя я былъ назначенъ тогда же осенью адъютантомъ къ Великому Князю Константину Николаевичу, но назначеніе мое къ дѣтямъ Государя тогда не состоялось, и самая посылка моя въ плаваніе въ Тихій океанъ на канонерской лодкѣ „Моржъ“ (въ условіяхъ самыхъ тяжелыхъ, съ огромными орудіями, поднимавшими чрезвычайно центръ тяжести судна, наперекоръ всѣмъ условіямъ устойчивости и безопасности и т. д.) была плодомъ интригъ и вражды адмирала Краббе.

Конечно этихъ подробностей Краббе не зналъ, но онъ хотѣлъ удалить меня изъ Петербурга; Il craignait que je ne commence à *percer* et sans raison il me détestait d'instinct²⁾. Но Господь сохранилъ и возвратилъ меня въ Европу и чрезъ нѣсколько дней и я долженъ былъ опять обнять сестру и еще узнать то *что-то*, хотя неизвѣстное, но очень хорошее.

Послѣ обѣдни я пилъ чай у Евгенія Ивановича Попова. Онъ и все семейство приняли меня какъ роднаго; мнѣ было съ ними такъ отрадно и хорошо!

Въ тотъ же день я уѣхалъ изъ Лондона. Но должно быть я былъ такъ полонъ радостныхъ ожиданіемъ возвращенія и вообще своими чувствами и мечтами, что въ памяти ничего не сохранилось о путешествіи моемъ изъ Лондона до Варшавы, ни о суткахъ, кажется, проведенныхъ въ Парижѣ, въ которомъ я былъ до тѣхъ поръ только одинъ разъ въ 1858 году и то на нѣсколько дней; я даже не помню, въ какихъ отеляхъ въ Лондонѣ и Парижѣ я останавливался. Въ Варшаву я прибылъ благополучно я на другое утро отправился къ Великому Князю Константину Николаевичу явиться. Онъ жилъ тогда въ Королевскомъ замкѣ и принялъ меня благосклонно и добро; но одно

¹⁾ Принцемъ рельсовъ, такъ какъ я раскалывалъ рельсы.

²⁾ Онъ боялся, что я начинаю проникать и безъ всякой причины ненавидѣть меня инстинктивно.

поразило меня, это равнодушіе, которое онъ показалъ ко всему морскому, къ извѣстіямъ съ эскадры Тихаго океана, откуда я пріѣхалъ курьеромъ съ донесеніемъ и письмомъ отъ начальника эскадры адмирала Попова. Какъ будто какая-то занавѣсъ покрывала теперь въ его глазахъ все это, столь близкое ему еще такъ недавно!

Отъ Великаго Князя я отправился къ Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Она приняла меня чрезвычайно молостиво, дружелюбно, благосклонно и любезно, много говорила объ ихъ пріѣздѣ въ Варшаву и происшедшихъ съ ними перемѣнахъ, и наконецъ спросила, желаю ли я быть при нихъ въ Варшавѣ или нѣтъ. На это я разумѣется отвѣтилъ, что считалъ бы себя счастливымъ, будучи адъютантомъ Его Высочества, быть при немъ, особенно въ столь важное время. При слѣдующемъ свиданіи съ Великимъ Княземъ, кажется, на другой день, онъ меня спросилъ, хочу ли я оставаться при немъ или служить въ Петербургѣ; я повторилъ ему тоже, что и Великой Княгинѣ, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что очень это аппробуетъ и согласенъ, потомъ прибавилъ. „Ты скажи въ Петербургѣ Краббе (управлявшему Морскимъ Министерствомъ), чтобы онъ сдѣлалъ распоряженіе о твоёмъ командированіи ко мнѣ въ Варшаву“.

Сколько я помню, въ Варшавѣ я остался дня три; видѣлъ еще разъ Великаго Князя, отпросился у него въ отпускъ въ Петербургъ, куда мнѣ слѣдовало ѣхать и по службѣ, чтобы доставить Краббе донесеніе адмирала Попова, которое Великій Князь даже и не прочиталъ. Онъ былъ тогда очень занятъ Польскими дѣлами и озабоченъ неуспѣхомъ своего управленія Польшею. Признаюсь, мнѣ это было странно и грустно.

Наконецъ, въ концѣ Ноября я пріѣхалъ въ Петербургъ и конечно прямо къ сестрѣ. О, какая это была великая, чистая и святая радость! Сестра лицомъ нисколько не измѣнилась, но что она страдала въ мое отсутствіе! Послѣ моего отправленія въ плаваніе она поѣхала въ свою деревню (Петербургской губерніи), гдѣ только что выстроила себѣ домъ, куда и перевезла все свое имущество. Она стала усиленно заниматься крестьянской школой, чтеніемъ и музыкой, но ослабленное горемъ здоровье не выдержало этой живой могилы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она такъ сдѣлалась больна, нервы ея такъ разстроились, что ощущеніе жизни стало для нея страданіемъ, а отъ игры на фортепіано у нея стали стягиваться въ горлѣ нервы. Пріѣхавъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, гдѣ она останавливалась у графини Антонины Дмитріевны Блудовой, она такъ испугала ее своимъ разстройствомъ, что та уговорила ее остаться у нея въ городѣ. Сестра

такъ и сдѣлала, а на слѣдующую зиму она наняла себѣ квартиру въ Петербургѣ и осталась въ ней жить.

Въ это время она у графини Блудовой познакомилась и подружилась съ Анной Ѳеодоровной Тютчевой; воспитательницей Великой Княжны Маріи Александровны и ея маленькаго брата Сергія Александровича. Эти сношенія внесли въ жизнь сестры нѣкоторую отраду и развлеченіе: у графини Блудовой она видѣла все общество людей, любившихъ покойнаго ея мужа Николая Васильевича Шеншина*), и это общество стало уважать и любить мою сестру; да и какъ можно было ее не любить: такъ она была добра, кротка, красива и расположена къ добру. Не знаю какъ, но Анна Ѳеодоровна читала иногда мои письма къ сестрѣ, въ которыхъ я изливаль ей душу свою, не воображая, что ихъ кто нибудь прочтетъ кромѣ сестры. Эти письма ей понравились, и она возымѣла мысль предложить Императрицѣ Маріи Александровнѣ, у которой она пользовалась большимъ довѣріемъ, назначить меня воспитателемъ Великаго Князя Сергія Александровича. Императрица приняла эту мысль, и вотъ то *нѣчто*, о которомъ мнѣ писала сестра въ Санъ-Франциско.

Я былъ очень счастливъ этимъ предположеніемъ. Воспитательная дѣятельность меня всегда привлекала. Это началось послѣ первыхъ годовъ офицерства, когда я сталъ серьезно заботиться о своемъ образованіи, путемъ чтенія и работы и изучая въ Англіи Кемибриджскій университетъ, гдѣ я прожилъ нѣсколько времени, и Англійскія школы. Я сталъ интересоваться вообще воспитаніемъ, сначала какъ средствомъ исправить свое собственное образованіе и дополнить его, а потомъ желая сообщить другимъ то, чтѣ мнѣ казалось могло дать имъ лучшую подготовку къ жизни, чѣмъ ту, которую мы сами получили.

Но этотъ интересъ былъ инстинктивный, потому что я никогда не имѣлъ намѣренія сдѣлаться воспитателемъ. Только въ 1860 году, когда генераль-адъютантъ Зиновьевъ, воспитатель царскихъ дѣтей, предложилъ Ихъ Величествамъ назначить меня состоять при В. К. Александрѣ Александровичѣ, такъ же какъ флигель-адъютантъ Рихтеръ состоялъ тогда при Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, Ихъ Величества сначала одобрили это предложеніе, но вслѣдъ за симъ самъ генераль Зиновьевъ былъ уволенъ отъ своей должности, и при томъ отмѣнилось предположеніе о моемъ назначеніи, чтѣ тогда меня очень огорчило.

Черезъ нѣсколько дней меня пригласили къ Императрицѣ. Ея Величество приняла меня очень благосклонно, посадила меня, говорила,

*) См. о немъ статью П. И. Бартечева въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г.

т.е. спрашивала о моемъ путешествіи и потомъ тутъ же спросила, желаю ли я принять обязанность воспитателя Великаго Князя Сергія Александровича. Я отвѣчалъ, что буду счастливъ принять эту должность, къ которой чувствовалъ всегда такое влеченіе и интересъ и что постараюсь всѣми силами оправдать ея высокое довѣріе.

Анна Ѳеодоровна повела меня потомъ къ Великому Князю Сергію Александровичу. Это было прекрасное, сердечное и чувствительное дитя. Я его сразу полюбилъ, онъ тоже ко мнѣ расположился, и Анна Ѳеодоровна пригласила меня пріѣзжать къ нему ежедневно часа на два днемъ, что я и сталъ дѣлать. Я ему читалъ, рассказывалъ, игралъ съ нимъ, мы скоро съ нимъ сблизились, и онъ меня, какъ сказала мнѣ Анна Ѳеодоровна, полюбилъ.

Въ эти же дни я имѣлъ счастье представиться и Государю, который былъ ко мнѣ очень милостивъ и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ сказалъ мнѣ, что онъ очень радъ моему будущему назначенію и надѣется, что я оправдаю его довѣріе.

Я былъ вполнѣ счастливъ и доволенъ: предо мною вдругъ открывалась новая жизнь съ высокой священной обязанностью, вполнѣ совпадающею съ моими наклонностями. Я былъ опять съ моей сестрой вмѣстѣ, послѣ столь долгой разлуки, спокоенъ и здоровъ. Этотъ періодъ жизни былъ мнѣ истиннымъ отдохновеніемъ, и я всѣмъ сердцемъ благодарилъ Господа, сохранившаго меня и даровавшаго великую и прекрасную обязанность, соединенную съ прекрасной будущностью, и если это послѣднее не вполнѣ оправдалось, то въ этомъ я много самъ виноватъ.

На другой же день послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, я поѣхалъ явиться къ управляющему Морскимъ Министерствомъ, тѣмъ болѣе, что пріѣхалъ курьеромъ съ эскадры Тихаго океана. Адмиралъ Краббе принялъ меня очень нелюбезно: „Ну зачѣмъ вы пріѣхали?“ сказалъ онъ мнѣ унылымъ голосомъ и какъ бы съ сожалѣніемъ; „что вамъ тутъ дѣлать? Вѣдь Великій Князь васъ въ Варшаву не беретъ“. „Извините, ваше превосходительство“, я ему отвѣчалъ, „Великій Князь беретъ меня въ Варшаву и приказалъ мнѣ доложить вамъ, что онъ проситъ васъ сдѣлать о томъ распоряженіе“. Послѣ этихъ словъ обращеніе Краббе стало гораздо любезнѣе; его душевное чувство осталось какъ и было, до конца враждебное, но благодаря Бога, ему никогда не удалось мнѣ повредить.

Жизнь была такъ полна, что я почти и не возобновлялъ своихъ отношеній въ свѣтѣ; къ тому же я былъ очень поглощенъ своею обязанностию; много приходилось читать, ѣздить къ нѣкоторымъ педагогамъ, конечно не говоря имъ про свое назначеніе и пр.; оказы-

валось, что я былъ очень и очень не подготовленъ къ своимъ будущимъ обязанностямъ, и увы, приходилось въ торопяхъ пополнять недостающее. Къ тому же я всякій день проводилъ нѣсколько часовъ у Великаго Князя, и нужно было для этого кое что читать и готовиться, чтобы эти свиданія приносили Великому Князю удовольствіе и пользу и привязывали его ко мнѣ, а во мнѣнїи Августѣйшихъ родителей и А. Ө. Тютчевой показали бы меня способнымъ къ выполнению обязанности воспитателя.

Въ началѣ Декабря дворъ поѣхалъ въ Москву. А. Ө. Тютчева передала мнѣ приглашеніе тоже туда прїѣхать.

Мы отправились въ Москву съ сестрой и остановились у брата Николая Сергѣевича, съ женой котораго я еще не былъ знакомъ.

Въ Москвѣ Ихъ Величества два раза приглашали меня къ обѣду, потомъ на малый концертъ и на балъ. Наканунѣ Новаго года я получилъ орденъ Станислава на шею за совершенное плаваніе; первый орденъ на шею всегда дѣлаетъ удовольствіе, и я былъ очень доволенъ быть уже штабъ-офицеромъ и имѣть орденъ на шеѣ.

Годъ кончился мирно и благополучно, и начался новый 1863-ій годъ и съ нимъ для меня новая жизнь.

Въ Петербургѣ я опять ежедневно сталъ ѣздить во дворецъ къ Великому Князю; черезъ Анну Өеодоровну Тютчеву мнѣ было приказано составить и представить программу или, правильнѣе, *изложеніе* предполагаемаго мною воспитанія Великаго Князя, и признаюсь, я былъ въ большемъ затрудненіи.

Главныя линїи онаго, цѣль и направленіе мнѣ были очень ясны, но детали далеко нѣтъ; кромѣ того мнѣ была такъ мало знакома и извѣстна сфера, въ которой я призванъ былъ дѣйствовать; и вообще мнѣ было трудно обнять однимъ взоромъ столь важный и новый для меня предметъ. Однако я составилъ программу, представилъ ее Ихъ Величествамъ, сколько помню черезъ Анну Өеодоровну Тютчеву, и Ихъ Величества одобрили эту программу. Но право, они были добры и снисходительны къ ней; и я былъ тогда и остался очень ею недоволенъ, такъ какъ, въ сущности, она была малозначущей вещью и, говоря откровенно, вышла она у меня такою по недостатку твердости ума и неувѣренности въ самомъ себѣ. Только много спустя, позналъ я, что всегда слѣдуетъ безбоязненно высказать свои мысли и чувства и не подчиняться авторитетамъ, какіе бы они ни были, и то что выдаешь за символъ своихъ вѣрованій и за программу своей дѣятельности. Будь я тогда похрабрѣе и увѣреннѣе въ себѣ, я составилъ бы настоящую программу, на что у меня достало бы ума и сердца.

И такъ все шло хорошо, и моя тогдашняя жизнь была полна радужныхъ надеждъ на будущее и слѣдовательно очень пріятная, какъ вдругъ извѣстіе о возстаніи въ Польшѣ, начавшемся въ ночь 1-го Января 1863 года въ Варшавѣ, прервало всѣ мои предположенія и нарушило душевный миръ и благораствореніе, въ которомъ я находился.

Такъ какъ официальное мое назначеніе воспитателемъ должно было состояться только по наступленіи В. К. Сергію Александровичу *семилетняго* возраста, т. е. въ Апрѣлѣ 1864 года, а до тѣхъ поръ я только долженъ былъ ходить къ нему, чтобы сблизиться съ нимъ, то я полагаю, что *теперь* моя обязанность была ѣхать въ Варшаву къ Великому Князю Константину Николаевичу.

Я послалъ телеграму Его Высочеству, въ которой я просилъ позволенія быть при немъ въ такое трудное время и, получивъ на это его разрѣшеніе, я сталъ готовиться къ отъѣзду.

Предъ отъѣздомъ своимъ въ Варшаву я видѣлъ Ихъ Величества. Они были ко мнѣ очень милостивы и добры и, одобрявъ мое намѣреніе ѣхать въ Варшаву, они сказали мнѣ о своемъ намѣреніи назначить меня воспитателемъ ихъ сына, *какъ о дѣль рѣшенномъ*. Около половины Января я и поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ опять поселился въ гостиницѣ „*Отель Аміельскій*“, лучшей гостиницѣ въ городѣ; у меня были прекрасныя комнаты, совершенно отдѣльныя отъ остальныхъ номеровъ и надъ рестораномъ. Отель этотъ былъ въ центрѣ города, напротивъ палаца Брюля, и со мною былъ мой неизмѣнный, вѣрный Михайла, который такъ со мной сжился, что былъ мнѣ столько же необходимъ, сколько я ему.

Послѣ взрыва революціи въ ночь 1-го Января, когда въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ въ Польшѣ были злодѣйски убиты наши солдаты, настало какое-то затишье, какъ въ природѣ передъ наступленіемъ бури; это было съ обѣихъ сторонъ какое-то зловѣщее выжиданіе.

Возстаніе было, такъ сказать, объявлено; но кромѣ нѣсколькихъ, изолированныхъ убійствъ, Поляки не могли больше ничего сдѣлать, ибо край былъ весь занятъ нашими войсками, и революціонерное подпольное правительство только еще организовалось, а официальное управленіе Велепольскаго съ каждымъ днемъ теряло подъ собою почву.

Великій Князь намѣстникъ съ самаго начала очевидно не понималъ положенія своего и не имѣлъ ясной цѣли, ни систематическаго образа дѣйствій, и онъ тоже началъ съ каждымъ днемъ терять почву подъ собою, утрачивать свой престижъ и довѣріе всего Русскаго, что было въ Польшѣ. Русскій элементъ въ Польшѣ съ самаго начала его управленія былъ раздраженъ: во 1-хъ) своимъ удаленіемъ отъ управленія краемъ и во 2-хъ), явнымъ предпочтеніемъ и любезностями

со стороны Великаго Князя и Княгини къ Полякамъ. Это чувство горькое и въ высшей степени обидное, чувствовать себя въ покоренной странѣ поставленнымъ какъ бы ниже покоренныхъ и при томъ еще испытывать пренебреженіе Поляковъ къ себѣ. Я думаю, что если бы даже и удалась система: „la Pologne régie par les Polonais“*), это чувство обиды и раздраженія Русскихъ привело бы со временемъ къ крайне-печальнымъ событіямъ и великому озлобленію, сначала Русскихъ, живущихъ въ Польшѣ, а потомъ и всего Русскаго народа къ Полякамъ; а потомъ, если бы система держалась, то и къ собственному правительству въ Россіи началось бы теряться уваженіе.

Назначеніе всюду въ управленіи въ Польшѣ Поляковъ имѣло прямымъ слѣдствіемъ предать край въ руки нашихъ враговъ и возстанію. Хотя говорятъ, что Велепольскій былъ главою партіи бѣлыхъ, и слѣдовательно партія красныхъ будто была удалена отъ дѣлъ, но всѣ и бѣлые и красные въ Польшѣ Россію и Русскихъ ненавидѣли одинаково, и даже трудно сказать, гдѣ кончалась одна партія и начиналась другая. Конечно высшіе посты администраціи были въ рукахъ бѣлой партіи, желавшей успѣха системѣ Велепольскаго, т. е. Польши въ личномъ соединеніи съ Россіей, что уже ненавистно Русскимъ, невыгодно для Россіи и несовмѣстно съ ея достоинствомъ, но и кромѣ того эта бѣлая партія была немногочисленна, слаба и не пользовалась сочувствіемъ всего края, а агенты власти, средніе и низшіе, были всѣ въ душѣ преданы революціи и сдѣлались совершенно ея орудіемъ.

Вскорѣ начались явные безпорядки: появились банды, основалось подпольное правительство; Варшава была центромъ революціи. Рѣшеніе Великаго Князя не нарушать легальности въ Варшавѣ и не подавлять и не преслѣдовать безжалостно и систематически, до уничтоженія, этого сердца революціи въ Варшавѣ, подъ предлогомъ уважать въ ней законный порядокъ, l'ordre légal, а дѣйствовать только войсками противъ бандъ и наружныхъ проявленій бунта, было *преступною бессмыслицей*. Образъ дѣйствія Муравьева въ Вильнѣ и потомъ графа Берга въ Варшавѣ доказали это вполне и доказали, какъ легко было подавить возстаніе.

Все это вначалѣ мы не сознавали ясно; никому изъ насъ не хотѣлось вѣрить, чтобы Великій Князь Константинъ Николаевичъ, котораго мы считали такимъ умнымъ, Русскимъ человѣкомъ, могъ бы принять такой невѣрный образъ дѣйствій. Увы, послѣдствія показали, какъ правы были тѣ (и въ числѣ ихъ первый его другъ А. В. Го-

*) Польша управляемая Поляками.

ловнинъ), которые считали его только гениальнымъ усвоителемъ чужихъ мыслей и превосходнымъ орудіемъ для исполненія чужихъ намѣреній. Теперь у него не было полезнаго, *Русскаго*, хорошаго совѣтника, а все, что ему совѣтовалъ Велепольскій ни къ чему хорошему поведи не могло, ибо и самъ Велепольскій въ это время не понималъ, что творится въ Польшѣ подъ вліяніемъ поджигательныхъ дѣйствій Франціи и Англіи и постепеннаго захвата Польши красными.

Съ нами, прежними морскими адъютантами, Великій Князь и Великая Княгиня обращались или правильнѣе не обращались никакъ, кромѣ Кирѣева, который участвовалъ въ опросахъ разныхъ заарестованныхъ лицъ и считался полезнымъ дѣятелемъ.

Впрочемъ меня Великій Князь скоро командировалъ въ Пруссію купить какой нибудь мелко сидящій пароходъ, который могъ бы ходить по Вислѣ и быть началомъ Вислинской флотиліи, для чего была прислана въ Варшаву рота Гвардейскаго Экипажа, подъ командою капитанъ-лейтенанта Константина Васильевича Небольсина.

Въ Январѣ же я отправился въ Пруссію и началъ свои поиски на рѣкахъ, имѣющихъ судоходныя сообщенія съ Вислой, т. е. въ города Эльбингъ и Данцигъ, на Вислѣ и Ногати.

Ужъ не помню какъ, я отыскалъ небольшой, колесный пароходъ, кажется, силъ въ 60-тъ; онъ принадлежалъ купцу Розенталю (Еврею) и стоялъ въ Эльбингѣ на какомъ-то пароходномъ заводѣ, гдѣ готовился къ начатию навигаціи. Этотъ пароходъ сидѣлъ немного менѣе 2-хъ футовъ, *что и было главнымъ условіемъ* въ слѣдствіе множества мелей и перекатовъ на Вислѣ.

Послѣ упорныхъ торгованій съ Жидомъ Розенталемъ, онъ наконецъ согласился продать свой пароходъ за 8000 талеровъ. Я съѣздивъ въ Варшаву, доложилъ Великому Князю Константину Николаевичу, который далъ свое согласіе на покупку парохода и нѣкоторыя указанія для его приспособленія къ службѣ въ Вислинской флотиліи. Требуемая передѣлки стали дѣлаться на томъ же заводѣ, гдѣ стоялъ пароходъ. На носу и кормѣ были установлены по одной мѣдной пушкѣ, и въ корпусѣ сдѣланы всевозможныя облегченія, дабы пароходъ сидѣлъ какъ можно меньше; команды на него полагалось въ военное время 40 человѣкъ, помѣщаемыхъ въ двухъ большихъ каютахъ, одна впереди машины, а другая сзади; да въ кормовой части была маленькая каютъ-кампанія и двѣ офицерскія каюты.

Вскорѣ послѣ этого я еще получилъ приказаніе заказать на заводѣ Шихау еще шесть шлюпокъ желѣзныхъ для Варшавской флотиліи. Передѣлка парохода (наименованнаго Высочайшимъ приказомъ „*Висла*“) продолжалась цѣлый мѣсяць, въ продолженіи котораго я ѣз-

диль нѣсколько разъ въ Данцигъ, который мнѣ очень понравился своими средневѣковыми зданіями и средневѣковой фізіономіей; да и гостинница, въ которой я останавливался, помѣщалась въ старинномъ домѣ и была очень симпатична; но ни въ Данцигъ, ни въ Эльбингъ знакомыхъ у меня никого не было, потому я велъ самую затворническую жизнь, уже мнѣ знакомую, и которою я никогда не скучалъ. Утромъ я ходилъ на пароходъ направлять или слѣдить за работами, потомъ завтракалъ дома, читалъ, ходилъ дѣлать большую прогулку пѣшкомъ по дюнообразнымъ и живописнымъ окрестностямъ Эльбинга; потомъ обѣдалъ, а вечеромъ читалъ и писалъ.

Въ Данцигъ я былъ и обѣдалъ раза два у Рускаго генеральнаго консула г-на Аделунга. Онъ былъ очень любезный человѣкъ; женитьба на Нѣмецкой актрисѣ вѣроятно помѣшала его дальнѣйшей карьерѣ, и онъ доживалъ свой вѣкъ въ этомъ смиренномъ посту, старинномъ дворцѣ Русскаго консульства въ Данцигъ, постройки XVIII вѣка.

Къ свѣтлой заутрени я поѣхалъ въ Берлинъ, въ нашу посольскую церковь, но такъ какъ я въ Берлинѣ никого не зналъ, то меня никто и не подумалъ пригласить на разговоръ, и я былъ радъ, что, идя пѣшкомъ по „Unter den Linden“, домой, въ гостинницу, гдѣ конечно въ этотъ часъ всѣ спали, я набрелъ на какой-то освѣщенный домикъ, клубъ или отель, гдѣ былъ какой-то общественный балъ. Я туда вошелъ, спросилъ себѣ кофе со сливками, потомъ воротился домой. Во всю мою жизнь доселѣ я не встрѣчалъ въ такомъ одиноствѣ Свѣтлый праздникъ.

Вскорѣ послѣ Святой пароходъ „Висла“ былъ готовъ, и я поплылъ на немъ вверхъ по рѣкѣ Ногатъ, около моста въ Диршау вошелъ въ рѣку Вислу и, пройдя Торнъ, на нашей границѣ, былъ встрѣченъ лейтенантомъ Гвардейскаго Экипажа Неваховичемъ, назначеннымъ командиромъ парохода „Висла“; съ нимъ былъ и экипажъ парохода, тоже Гвардейскаго Экипажа. Поднявъ на пароходѣ Русскій военный флагъ, я сдалъ пароходъ новому командиру и продолжалъ съ нимъ путь до Варшавы, куда мы прибыли благополучно на слѣдующее утро и остановились подъ берегомъ у цитадели, гдѣ и было назначено мѣстопробываніе флотиліи.

Командиромъ флотиліи былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ Небольсинъ (Гвардейскаго Экипажа). Хотя на это званіе Великій Князь сначала сказалъ мнѣ, что хочетъ назначить меня; но это не было сдѣлано, и я не очень этимъ огорчился, ибо понималъ, что было бы неловко и обидно назначать меня, когда отрядомъ Гвардейскаго Экипажа, прибывшимъ для службы въ Варшаву, командовалъ Небольсинъ, который къ тому же былъ и старше меня. Въ это время я хорошо позна-

комился съ Константиномъ Васильевичемъ Небольсинымъ, прекраснымъ и благороднымъ человѣкомъ, и оставался съ нимъ очень друженъ до конца его жизни. Впослѣдствіи онъ служилъ въ Черномъ морѣ и наконецъ былъ почетнымъ опекуномъ въ Петербургѣ.

По возвращеніи моемъ въ Варшаву, товарищи мои, адъютанты Великаго Князя, Казнаковъ и князь Ухтомскій, жившіе въ Помранчарнѣ, въ Лазенкахъ, предложили мнѣ переѣхать къ нимъ. Княгиня Ухтомская (рожденная Грейгъ) въ это время уѣхала въ Петербургъ къ матери, и я поселился у Казнаковыхъ. Жена Н. И. Казнакова Констанція Александровна (рожденная Мельникова) очень милая и хорошая женщина, она жила съ мужемъ душа въ душу и обожала его, да и Казнакова нельзя было не любить; онъ прекрасный, добрый человѣкъ, и во всей его личности что-то было особенно симпатичное.

Въ Помранчарнѣ я провелъ почти все лѣто очень пріятно, на сколько это возможно было въ тяжелое, нравственно, время, которое мы переживали тогда въ Польшѣ.

И дѣйствительно, Русскому въ это время было очень тяжело жить въ Варшавѣ. Въ Вильнѣ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, еще не давно назначенный, сразу потушилъ мятежъ и успокоилъ край; казалось бы, примѣръ его могъ бы подѣйствовать и на намѣстника въ Варшавѣ, если бы какой нибудь примѣръ былъ нуженъ тамъ, гдѣ одинъ здравый разсудокъ указывалъ, въ какомъ направленіи, надо дѣйствовать. Сила всей Россіи, ея общее чувство были на сторонѣ рѣшительныхъ и твердыхъ дѣйствій; власть, войско въ нашихъ рукахъ, и что же мы видѣли? Съ каждымъ днемъ Русское правительство въ Польшѣ теряло свою власть и почву подъ собою. Революціонное правительство, къ веснѣ, сдѣлалось совершенно владыкою Польши, организовалось и передъ нашимъ носомъ управляло краемъ.

Начались въ Варшавѣ убійства среди бѣлаго дня чиновниковъ изъ Поляковъ, еще нѣсколько вѣрно служившихъ Россіи, обокрали банкъ и конечно не отыскали виновныхъ, вѣшали нашихъ полицейскихъ и т. п. А намѣстникъ продолжалъ уважать легальность: не трогали костеловъ и монастырей, гдѣ среди Варшавы и, завѣдомо всѣмъ, организовались всѣ революціонныя дѣянія, устраивались склады оружія, сборища и т. п. Всѣ Русскіе были въ большомъ уныніи, а мы, состоявшіе при Великомъ Князѣ, сердечно о немъ жалѣли и недоумѣвали. До тѣхъ поръ мы, какъ и весь нашъ флотъ, были такъ убѣждены въ его умѣ, гениальныхъ способностяхъ, и намъ было такъ странно видѣть *воочию* его неспособность.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ выжиданія, народное чувство въ Россіи проснулось, и вѣрнымъ выраженіемъ его были статьи Каткова

въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Россія сознавала свое право и свою силу относительно Польши; видѣла успѣхъ дѣйствія Муравьева и наконецъ стала открыто порицать бездѣйствіе и фальшь системы управления Великаго Князя Константина Николаевича въ Польшѣ.... Его даже обвиняли въ измѣнѣ. Это бессмысленное обвиненіе тогда очень многими было принято; все казалось вѣроятнѣе, чѣмъ простая истина: *неумнѣе самому справиться съ мятежомъ.*

Среди лѣта я поѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ повидать сестру и провѣдать что нибудь о своей предстоящей дѣятельности. Все было въ томъ же положеніи. Въ Петербургѣ на Каменномъ островѣ я былъ однажды утромъ у Великой Княгини Елены Павловны, которая всегда ко мнѣ была очень добра и приглашала на свои вечера и праздники; она меня приняла въ саду, и, гуляя, спрашивала о ходѣ дѣла въ Варшавѣ, и разумѣется, я ничего утѣшительнаго сказать не могъ.

Когда я воротился въ Варшаву, Великій Князь меня не спросилъ ничего про Петербургъ, даже не говорилъ со мною, и это безвыходное, безотрадное и бессмысленное положеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не вызвали наконецъ намѣстника въ Царское Село.

Въ продолженіи лѣта я былъ командированъ постараться поднять со дна Вислы затонувшій на ней пароходъ „Вислу“, тотъ самый, который былъ мною купленъ и приведенъ въ Варшаву. Этотъ пароходъ былъ посланъ отвезти за границу, въ Торнъ, графа Жозефа Велепольскаго, второго сына маркиза; по желѣзнымъ дорогамъ ему было ѣхать опасно, чтобы не захватили его въ плѣнъ банды революціонеровъ, и потому ему дали казенный пароходъ. Онъ ѣхалъ во Францію, чтобы вызвать на дуэль принца Наполеона (Plon-Plon), который въ законодательномъ собраніи произнесъ рѣчь, оскорбительную для маркиза Велепольскаго. Съ графомъ Жозефомъ ѣхалъ и нашъ дипломатъ, чиновникъ Гамбургеръ, но по другому дѣлу. Пароходъ, пройдя верстъ 20 за Ново-Георгіевскую крѣпость, наткнулся на харчъ (подводное бревно), пробилъ себѣ дно и черезъ нѣсколько минутъ затонулъ; къ счастью глубина была небольшая, и всѣ люди конечно спаслись; Велепольскій и Гамбургеръ, съ большими опасностями, пробрались до какой-то станціи желѣзной дороги и благополучно проѣхали за границу, но ночью нѣсколько разъ натыкались на банды; къ счастью, ихъ не узнали и, благодаря своему Польскому языку, они не возбудили ни въ комъ подозрѣнія.

Осмотрѣвъ положеніе парохода, палуба котораго была покрыта водою не выше поль-аршина, я нашелъ весьма возможнымъ его поднять. Экипажъ парохода помѣстился въ палаткахъ на песчаномъ островкѣ, у самаго мѣста крушенія и благодаря тому, что это былъ

островъ, отрядъ на нѣсколько дней былъ обезпеченъ отъ нападенія революціонныхъ отрядовъ, пока прислали изъ Варшавы саперный баталіонъ и нѣсколько орудій, которые расположились лагеремъ на лѣвомъ берегу Вислы.

Изъ Варшавы я привелъ пароходъ (взятый, по приказу Великаго Князя, у частной компаніи, не хотѣвшей его давать) и двѣ баржи, которыя и были приведены въ Ново-Георгіевскъ. Здѣсь мнѣ дали роту солдатъ и маленькія пушченки, которыя мы поставили на баржѣ, и вся эта экспедиція, подъ моимъ начальствомъ, отправилась къ мѣсту крушенія парохода. Мы установили привезенныя съ собою помпы, задѣлали кое-какъ дыру во дни и откачали воду; пароходъ подняли, и онъ былъ поставленъ между баржами, такъ сказать, на вѣсу. Тутъ мы окончательно и плотно задѣлали пробоину и потомъ, забравъ экипажъ парохода, привели его на буксиръ въ Варшаву, гдѣ и стали его чинить на одномъ изъ пароходныхъ заводовъ. Вся эта исторія продолжалась цѣлую недѣлю, въ теченіе которой я разъ самъ едва не попался въ руки революціонныхъ бандъ. Однажды я поѣхалъ изъ Варшавы въ Ново-Георгіевскъ съ конвоемъ изъ 10-ти казаковъ. По приѣздѣ на первую станцію отъ Варшавы, Яблони, мнѣ стали мѣнять лошадей, и я, взойдя на станцію, заказалъ себѣ кофе; но его такъ долго не подавали, что я, не желая терять времени, поѣхалъ дальше. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа послѣ моего отъѣзда нагрянула въ Яблони банда въ 200 человекъ, но къ счастью моему я былъ уже далеко. Изъ этого видно, что банды разгуливали вездѣ, даже подъ самой Варшавой, прячась только, когда приходили Русскіе отряды; но весь край былъ въ рукахъ мятежа, всѣ земскіе начальники, все управленіе были Поляки, всѣ участники и покорные слуги ржонда народоваго и наши враги. Но, благодаря нашему укрѣпленному положенію, на Вислѣ у парохода на насъ напасть никто не посмѣлъ, и вся эта исторія кончилась благополучно; что же до дуэли Велепольскаго съ принцемъ Наполеономъ, она почему-то не состоялась.

Наконецъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ въ половинѣ Іюля былъ вызванъ изъ Варшавы и, по желанію Государя, онъ взялъ меня съ собою въ Царское Село. Хотя официально говорили въ Варшавѣ, что Ихъ Высочества уѣзжаютъ на нѣсколько дней, но всѣ знали, что Великій Князь отозванъ, и мнѣ очень интересно было видѣть происходившую передо мною сцену перемѣны режима. Графъ Бергъ вступилъ въ должность намѣстника. Дѣло было такъ просто, особенно имѣя рядомъ съ собою, въ Вильнѣ, примѣръ дѣйствій Михаила Николаевича Муравьева; перестали церемониться съ Варшавой,

военное положеніе сдѣлалось эффективное, приняты необходимыя мѣры строгости и черезъ мѣсяць революція была потушена.

Проѣздомъ черезъ Вильну Великій Князь былъ очень оскорбленъ и взволнованъ тѣмъ, что Муравьевъ не пріѣхалъ его встрѣтить на станцію желѣзной дороги. Въ Вильнѣ былъ назначенъ вечерній чай; все начальство въ полной формѣ было собрано къ пріѣзду Великаго Князя, и когда онъ вышелъ изъ вагона, то генераль (помощникъ командующаго войсками) подошелъ къ Великому Князю и доложилъ ему, что генераль Муравьевъ очень извиняется, что по нездоровью не могъ встрѣтить Великаго Князя.

Этотъ инцидентъ страшно разстроилъ Великаго Князя; ночью ему давали нервныхъ капель. Онъ полагалъ, что если Муравьевъ позволилъ себѣ такую выходку, такъ это было потому, что онъ былъ убѣжденъ въ немилости къ нему Государя.

Оскорбленіе было дѣйствительно велико, потому что всѣ знали, что Михаилъ Николаевичъ, въ дѣйствительности, боленъ не былъ; но я полагаю, что онъ былъ бы съ нимъ неучтивъ и сказалъ бы ему разныя колкости, что было бы вредно его авторитету и его положенію въ краѣ, и это въ такую важную минуту, когда этотъ авторитетъ долженъ былъ держаться высоко въ глазахъ края, сдерживаемаго его желѣзной рукой.

На другой день утромъ мы пріѣхали въ Царское Село. Государь пріѣхалъ на станцію желѣзной дороги встрѣтить своего брата, и мы помѣстились, сколько помню, не въ Павловскѣ, а въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ Великому Князю, Великой Княгинѣ и всей ихъ свитѣ отвели комнаты.

Ихъ Величества были очень дружелюбны къ Великому Князю и Великой Княгинѣ; но, въ продолженіе двухъ дней, Государь не сказалъ Великому Князю ни одного слова про Польскія дѣла, и это очень беспокоило Великаго Князя. Только на третій день Государь объявилъ, что онъ долженъ покинуть Варшаву.

Мы оставались съ Ихъ Высочествами въ Царскомъ Селѣ цѣлую недѣлю, и въ это время я имѣлъ утѣшеніе быть со своею сестрою, которая проводила это лѣто въ Царскомъ Селѣ. Она занимала тогда дачу на Волконской улицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ потомъ была выстроена дача княжны Е. М. Долгорукой, которая тогда не восходила на горизонтъ а была еще воспитанницей въ Смольномъ монастырѣ. Въ душѣ сестры время теперь изгладило остроту ея горя, болѣзненность ея въ первые года ея вдовства: чувства ея были тѣже самыя, но страданія успокоились, и она постепенно возвращалась къ жизни; для себя она уже ничего не желала, отъ жизни ничего

не ожидала и вся ея нѣжность и забота сосредоточивалась теперь на мнѣ. И какъ это глубоко меня трогало! Дружба съ Анной Θεодоровной Тютчевой, графиней Блудовой и нѣкоторыми другими лицами, цѣнившими и любившими мою сестру и искавшими ея общества, тоже услаждали ей жизнь. Теперь сестра была очень счастлива, что чрезъ нее устроилось мое назначеніе къ Сергію Александровичу и что отнынѣ мы могли надѣяться не жить съ нею въ разлукѣ.

Въ Царскомъ Селѣ, у Ихъ Величествъ и теперь были каждый вечеръ „собранія“, на которыя меня постоянно приглашали, и каждый разъ ихъ Величества находили мнѣ сказать доброе слово. Я уже прежде зналъ Великихъ Князей (старшихъ сыновей Государя) и княженъ Марію и Евгенію Максимиліановенъ. Изъ молодежи было еще нѣсколько молодыхъ людей товарищей Великихъ Князей. Играли въ *secretaire* и другія подобныя игры. Государь въ той же Китайской гостинной дѣлалъ свою партію, а Императрица за круглымъ столомъ слушала чтеніе въ слухъ старого князя Вяземскаго. Въ 11 часовъ вечеръ кончался.

Наконецъ мы уѣхали въ Варшаву. Въ Вильнѣ этотъ разъ мы и не останавливались, а въ Варшавѣ остались только три дня и проѣхали безъ остановки до Песта, гдѣ Ихъ Высочества пробыли въ вагонѣ три дня и провели время очень пріятно. Здѣсь мы видѣли корону Св. Стефана, украденную во время революціи въ 1845 году и спрятанную въ болотѣ, гдѣ ее и нашли. Посѣтили мы тоже усыпальницу Великой Княгини Александры Павловны, въ мѣстечкѣ, въ двухъ шагахъ разстоянія отъ Песта; тамъ служили панихиду. Великая Княгиня погребена въ склепѣ, подъ церковію, и надъ гробомъ въ полу церкви сдѣлано отверстіе, чрезъ которое проходитъ въ склепъ свѣтъ, и въ склепѣ слышна прекрасно служба въ церкви.

Изъ Пешта мы поѣхали въ Крымъ, куда по желанію Государя Великій Князь и взялъ меня, чтобы изъ Оріанды я могъ ежедневно ѣздить въ Ливадію къ В. К. Сергію Александровичу.

Въ Буда-Пештѣ мы сѣли на нанятый для Ихъ Высочествъ пароходъ, на которомъ, по Дунаю, дошли до Желѣзныхъ Воротъ, гдѣ по мелководью мы должны были въ экипажахъ объѣхать пороги и сѣсть ниже по теченію на другой пароходъ. Тутъ со мной случилось приключеніе, и я благодарилъ Господа, спасшаго меня. Погода была сырая и дождливая и, когда мы подѣхали къ пароходу, было уже темно; на пароходъ надо было идти по сходнѣ. Освѣщая дорогу по сходнѣ Великой Княгинѣ, за которой несли Великаго Князя Вячеслава Константиновича на рукахъ, я шелъ впереди съ фонаремъ въ правой рукѣ, вдругъ поскользнулся и полетѣлъ со сходни въ рѣку съ вы-

соты нѣсколькихъ сажень. Къ счастію я инстинктивно схватился лѣвой рукой за веревку (поручень сходни) и повисъ надъ рѣкой; меня поймали за ноги, поставили ихъ на сходню, и я пошелъ далѣе, но почти вывихнувъ себѣ въ плечѣ руку, которая болѣла послѣ того болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Дойдя благополучно до устья Дуная, мы должны были сутки, за свѣжей погодой, простоять въ Сулинѣ, гдѣ перебрались на военный пароходъ „Казбекъ“, присланный за Ихъ Высочествами. Затѣмъ мы благополучно прибыли въ Севастополь, который я посѣщалъ уже до того, въ 1858 г. Перемены почти съ тѣхъ поръ никакой еще не было; Севастополь былъ еще въ развалинахъ и такъ же грустенъ и унылъ былъ его видъ; казалось, будто послѣ ужасовъ геройскаго погрома, приличествовало на долгіе годы это мертвенное и величавое спокойствіе и разрушеніе. И хотя чувствовалось, что когда нибудь возродится Севастополь и славный Черноморскій флотъ, но тогда еще никто не предвидѣлъ, когда и при стеченіи какихъ обстоятельствъ это будетъ возможно.

„И скоро-ль, долго-ль, какъ узнать,“
„Гдѣ вѣстникъ избавленья?“.....

Изъ Севастополя, на южный берегъ Крыма, мы поѣхали въ экипажахъ. Погода была прелестная, и можно себѣ представить, съ какими чувствами я впервые ѣхалъ по этимъ мѣстамъ, прославленнымъ во время Крымской войны. Но когда мы, проѣхавъ Байдарскіе ворота, увидѣли южный берегъ, я былъ пораженъ и восхищенъ. Я никогда не воображалъ себѣ такой прелести, я никогда не думалъ, чтобы у насъ въ Россіи было бы что нибудь подобное южному берегу. Это было волшебство, очарованіе, и подъ этимъ охватывающимъ впечатлѣніемъ мы и доѣхали до Оріанды, гдѣ должны были провести осень Ихъ Высочества.

Кто видѣлъ Оріанду, знаетъ, какой это рай земной, и особенно какъ этого названія достойна мѣстность между дворцомъ и окаймляющими его полукругомъ горами: чудная растительность, обиліе ручейковъ, виноградная веранда, все это такъ прелестно, такъ очаровательно. Оріанда по мнѣ самая очаровательная мѣстность, на очаровательномъ южномъ берегу. Я полюбилъ Крымъ съ перваго момента, и когда, впоследствии часто возвращался туда со дворомъ, пребываніе въ Крыму всегда было для меня постояннымъ и истиннымъ наслажденіемъ.

„Волшебный край—очей отрада“.

Жизнь въ Оріандѣ была очень пріятная. Погода была все время дивная, ясная, жаркая, и самое ощущеніе жизни было постоянное

наслажденіе. При Ихъ Высочествахъ былъ Тенгоборскій гофмейстеръ и генераль А. Н. Стюрлеръ, которому и поручены были всѣ дѣла по ликвидаціи и устроенію судьбы различныхъ личностей, бывшихъ при Великомъ Князѣ въ Варшавѣ. Затѣмъ Вржесневскій, бывшій комендантъ Великокняжеской квартиры въ Варшавѣ, и я, да еще докторъ Великаго Князя Гауровиць. Дамы, т. е. дѣвицы, при Великой Княгинѣ, А. С. Комаровская, Татьяна Михайловна Лазарева и скучнѣйшая Нѣмецкая фрейлина Великой Княгини баронесса Ранцау. Всѣ завтракали и обѣдали съ Ихъ Высочествами и проводили съ ними вечеръ, и это было очень просто, пріятно и не скучно.

Передъ завтракомъ мы ѣздили верхомъ съ Великимъ Княземъ купаться въ море, и это было великое удовольствіе. Нерѣдко дѣлали и общія прогулки, часть общества въ экипажахъ, а другая верхомъ, по восхитительнымъ окрестностямъ Оріанды. Въ Ливадію ѣздили къ обѣднѣ по Воскресеньямъ и праздникамъ, а потомъ завтракали тамъ; часто приглашали Ихъ Высочества туда и къ обѣду, а съ ними и весь ихъ дворъ. И такъ прошло незамѣтно, однообразно, но пріятно, время до нашего отъѣзда, т. е. до конца Сентября.

Было рѣшено, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ болѣе въ Польшу не вернется и что онъ проведетъ съ семействомъ зиму за границей.

Кажется, уже въ самомъ концѣ Сентября Ихъ Высочества со свитой отправились на пароходъ „Казбекъ“ опять въ устья Дуная; но въ морѣ сдѣлалось такъ свѣжо, что Великій Князь приказалъ „Казбеку“ зайти въ Николаевъ, гдѣ мы провели болѣе сутокъ, во дворцѣ, т. е. въ домѣ главнаго командира, въ которомъ я уже разъ жилъ (при адмиралѣ Метлинѣ) въ 1858 году.

Домъ этотъ казался мнѣ очень симпатичнымъ; очень удобное и обширное внутреннее распредѣленіе комнатъ, а главное, единственное его мѣстоположеніе въ саду, на высокомъ берегу Буга у самой рѣки, и вообще, какъ у нѣкоторыхъ мѣстностей и домовъ бываетъ, какой-то характеръ, какая-то печать симпатичности, и всѣ въ немъ чувствуютъ себя хорошо и легко. Таково было общее впечатлѣніе всегда и на всѣхъ Николаевскаго дома, построеннаго еще Михаиломъ Петровичемъ Лазаревымъ, который и жилъ въ немъ постоянно.

Второе плаваніе „Казбека“ до Сулины было благополучно. Тутъ мы пересѣли на нанятый пароходъ и наконецъ на немъ по Дунаю прибыли благополучно въ Базіашъ къ вечеру; отсюда уже мы должны были по желѣзной дорогѣ ѣхать до Вѣны. Надо было ѣхать или въ 9-ть часовъ утра, съ тѣмъ, чтобы прибыть въ Вѣну въ 9-ть часовъ вечера, или ѣхать изъ Базіаша въ 9-ть часовъ вечера, чтобы прибыть

въ Вѣну на слѣдующій день въ 9-ть часовъ утра. Другихъ часовъ и поѣздовъ нельзя было имѣть.

Въ Вѣнѣ на вокзалѣ Ихъ Высочества были встрѣчены Императоромъ и всей императорской фамиліей, при этомъ весь дворъ, почетный караулъ и весь обычный церемоніаль. Ихъ Высочества и свита были помѣщены во дворцѣ. Тутъ было опять представленіе императрицѣ Австрійской, тогда еще во всемъ блескѣ и развитіи ея красоты.

Въ Вѣнѣ мы провели, кажется, четыре дня; былъ данъ для Ихъ Высочествъ парадный обѣдъ, спектакль въ придворномъ (дворцовомъ) театрѣ, была охота для Великаго Князя. Кромѣ того Ихъ Высочества со свитой обѣдали у вдовствующей императрицы Каролины, которая занимала довольно огромные покои въ третьемъ этажѣ дворца.

Много было поѣздокъ съ визитами и представленіями, между прочимъ меня послали въ Шенъ-Брунъ съ маленькими Великими Князьями Константиномъ и Дмитріемъ, къ дѣтямъ Императора, который, представляя своего сына эрцгерцога Рудольфа (тогда 12-ти лѣтъ) сказалъ намъ: *Je vous présente l'indigne descendant des Habsbourg*. Не воображалъ въ эту минуту Австрійскій императоръ, что онъ пророчествовалъ! Но нельзя сказать про наслѣднаго эрцгерцога, что онъ сдѣлался „недостойнымъ“ потомкомъ Габсбурговъ, но скорѣе несчастнымъ. Много лѣтъ спустя, въ 1880 г., мы, съ Великими Князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами, видѣли эрцгерцога Рудольфа, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его свадьбы. Онъ еще былъ тогда въ наилучшихъ отношеніяхъ со своею женою, и я нашелъ его пріятнымъ и привѣтливымъ. Великіе Князья пріѣзжали изъ Бартельсгардена навѣстить эрцгерцогскую чету въ замокъ, въ которомъ она жила близъ Зальцбурга, и мы у нихъ обѣдали. Эрцгерцогиня показалась намъ довольно молчаливою и очень застѣнчивою, но намъ сказали, что она съ нами была еще необычайно разговорчива; а эрцгерцогъ въ своемъ обхожденіи былъ очень простъ, симпатиченъ, очень разговорчивъ, и голосъ его былъ очень мягкій и ласкательный. Вообще онъ всѣмъ очень правился, былъ очень добръ и очень мягкаго характера. Къ несчастію онъ былъ человѣкъ *невърующій*, и вотъ, можетъ быть, ключъ къ разгадкѣ его печальнаго конца! Сильная любовь, безъ возможнаго исхода, при отсутствіи вѣры въ Бога, легко можетъ привести человѣка къ самоубійству.

Изъ Вѣны дѣвушки Великой Княгини и фрейлины были отвезены по ошибкѣ на другую желѣзную дорогу, и когда время отъѣзда уже пришло, то Императоръ, который провожалъ Ихъ Высочества, обѣщаль прислать пропавшихъ къ намъ по пути, чтò черезъ часъ и было сдѣлано: дѣвушекъ привезли на тендерѣ локомотива.

Въ Вѣнѣ мнѣ было очень интересно и весело. Здѣсь я въ первый разъ видѣлъ большой, иностранный дворъ, и онъ мнѣ показался очень симпатичнымъ: во всемъ было величіе и простота, какъ у насъ, и не было нисколько здѣсь напыщенности, накрахмаленности и сухости Берлинскаго двора. Но все это не давало мнѣ забыть Австрійскаго коварства противъ Россіи.

Здѣсь на меня произвела большое впечатлѣніе фрейлина императрицы принцесса Туръ-и-Таксисъ. Въ эти нѣсколько дней я ее видѣлъ ежедневно, то на обѣдѣ, то въ театрѣ; на сколько возможно было съ нею разговаривалъ, она была очень любезна и мила и вѣроятно замѣтила произведенное ею впечатлѣніе. Но разумѣется это не могло имѣть никакихъ послѣдствій; въ моемъ альбомѣ, № 1, есть ея карточки.

Изъ Вѣны мы проѣхали въ Мюнхенъ, гдѣ провели дней пять; тоже жили во дворцѣ. Король тогда былъ въ отсутствіи, послѣ болѣзни легкихъ онъ проводилъ зиму въ Италіи. Ихъ Высочество принимала королева, рожденная принцесса Прусская, сестра принца Адалъберта (Прусскаго адмирала) и принцессы Карлъ Дармштадской (бабушки императрицы Александры Ѳеодоровны).

Здѣсь тоже былъ рядъ обѣдовъ у членовъ королевской семьи, начиная съ королевы. Великокняжеская чета обѣдала у ея величества, а намъ былъ гофмаршальской столъ. При Мюнхенскомъ дворѣ все было очень прилично, но уже все гораздо проще и буржуазнѣе, не смотря на соблюденіе всѣхъ придворныхъ порядковъ. Лица составлявшія дворъ были всѣ очень симпатичныя: vicomte de Vaublanc гофмаршалъ, сынъ Французскаго эмигранта, гофмейстера графини Фонтъ-деръ-Мюленъ, очень добрая старушка, фрейлина Рейнклизъ, которая въ постные дни не хотѣла ѣсть скоромнаго, въ чемъ она скрывалась отъ гофмаршала за вазу съ цвѣтами, стоящую посреди стола и т. п.; всѣ они были любезны и дружественны къ нашей свитѣ. По вечерамъ насъ приглашали къ королевѣ; туда приглашались разные музыканты, пѣвцы и пѣвицы, а затѣмъ, на маленькихъ летучихъ столикахъ (ставимыхъ предъ каждымъ гостемъ, чего я нигдѣ не видывалъ) подавали ужинать и часовъ въ 11-ть вечера кончали.

Наслѣднаго принца въ Мюнхенѣ тоже тогда тутъ не было, а былъ тутъ второй братъ его Отгонъ (нынѣ бѣдный умалишенный король); ему было тогда 13-ть лѣтъ, но онъ былъ очень милъ, разговорчивъ и любезенъ, какъ бы уже совсѣмъ взрослый.

Пока мы были въ Мюнхенѣ, въ Германіи уже начиналось большое волненіе, въ союзномъ совѣтѣ и прессѣ, по случаю Шлезвингъ-Голштинскихъ дѣлъ. Кажется, Мюнхенскія палаты скоро послѣ насъ просили короля вернуться къ своему народу, и онъ бѣдный отвѣчалъ, что, не

смотря на свое нездоровье, считаетъ долгомъ прїѣхать къ своему народу, что онъ и сдѣлалъ вскорѣ, но поплатился за это своею жизнью: онъ простудился снова, захворалъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался.

Наконецъ въ началѣ Ноября Ихъ Высочества со свитой прибыли въ Бадень-Бадень, гдѣ они должны были провести всю зиму. Я ужъ не помню имени дома, гдѣ Ихъ Высочества и свита жили; помню только, что домъ былъ очень симпатичный и всѣмъ намъ было спокойное и хорошее помѣщеніе.

Дни проходили въ Баденѣ очень тихо. Всѣ собирались къ Ихъ Высочествамъ къ фриштыку, потомъ, посидѣвъ, расходились; великокняжеское семейство каталось; мы тоже шли, кто куда хотѣлъ, и я очень наслаждался прекрасными прогулками; но черезъ нѣсколько дней испортилась погода, пошли дожди, и сдѣлалось весьма скучно. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда меня выпишутъ, какъ было условлено, ко двору, къ Великому Князю Сергію Александровичу. Наконецъ было получено мнѣ приглашеніе ѣхать въ Петербургъ и, сколько помню, 19-го Ноября, я покинулъ Бадень-Бадень. Ихъ Высочества отпустили меня весьма милостиво и сочувственно и подарили мнѣ тѣ подарки, которые назначались мнѣ на ѣлку; какъ теперь помню: портсигаръ Вѣнской работы, голубой сафьянный, покрытый серебряной рѣшеткой, онъ служилъ мнѣ много лѣтъ и наконецъ какъ-то исчезъ; затѣмъ рамку, въ которую Великая Княгиня мнѣ сказала поставить кого больше люблю и имѣть ее всегда при себѣ. Я вставилъ карточку Великаго Князя Сергія Александровича (черезъ годъ), и съ тѣхъ поръ онъ всегда у меня на столѣ, теперь уже 35-ть лѣтъ, и еще коралловыя пуговицы, которыя тоже у меня цѣлы.

Я былъ очень счастливъ ѣхать, но тѣмъ не менѣе оставлялъ съ сожалѣніемъ Ихъ Высочества, которыя были ко мнѣ столь добры.

Въ Петербургѣ я поселился у сестры; кажется, что она жила тогда на Сергіевской въ домѣ Фрейберга. Квартира у нея была очень хорошая; все, что уцѣлѣло у нея отъ пожара ея дома въ деревнѣ, наполняло ея комнаты и напоминало счастливые годы ея жизни съ мужемъ, незабвеннымъ Николаемъ Васильевичемъ Шеншинимъ.

Мнѣ сестра отдѣлила очень хорошую, уютную и свѣтлую комнату, и мнѣ было такъ отрадно опять жить подъ ея кровомъ; она меня окружила такою нѣжною заботою, почти материнскимъ попеченіемъ: хотя и была моложе меня, но она такъ много пережила и перестрадала, что конечно была гораздо зрѣлѣе меня.

Съ нами теперь жила и наша старая няня Анна Петровна, которую я такъ любилъ. Мысль, что она, на старости лѣтъ, не имѣетъ прїюта, можетъ быть, и нуждается, такъ меня тревожила во время

моего плаванія на „Моржѣ“, и я былъ такъ радъ узнать, что Геничка взяла няню къ себѣ. Съ тѣхъ поръ и до конца жизни сестры няня жила у нея.

Ихъ Величества приняли меня весьма милостиво и пригласили прїѣзжать каждый день къ Великому Князю Сергію Александровичу. Я былъ, такъ сказать, „нареченный“ воспитатель. Часто я ходилъ или ѣздилъ гулять съ Великимъ Княземъ; сидѣлъ съ нимъ, по нѣсколькимъ часамъ днемъ бесѣдовалъ, игралъ или читалъ ему въ слухъ и, мало-по-малу, входилъ въ свою будущую должность, всеконечно „подъ наблюденіемъ Анны Ѳеодоровны Тютчевой“, которая мнѣ всячески помогала. Но тѣмъ не менѣе это было довольно утомительно и тяжело. Настоящаго сближенія конечно не могло послѣдовать, пока я не жилъ со своимъ будущимъ воспитанникомъ и не имѣлъ ни власти, ни даже участія въ его интимной жизни, а только прїѣзжалъ знакомиться, да и всегда на ходу, въ комнатахъ, занимаемыхъ Сергіемъ Александровичемъ и его сестрою, хотя подъ дружелюбнымъ, но все таки испытующимъ окомъ ко мнѣ присматривавшейся Анны Ѳеодоровны, и сознание, что какое нибудь слово или выборъ чтенія могли бы не совѣсть ей понравиться и быть истолкованнымъ мнѣ не въ пользу, было мнѣ нѣсколько тяжело. И дѣйствительно иногда происходили нѣкоторыя недоразумѣнія: Анна Ѳеодоровна была очень впечатлительна и нервна; но, въ концѣ концовъ, все всегда разъяснялось, доброе мнѣніе ея обо мнѣ утверждалось, и положеніе мое все болѣе и болѣе укрѣплялось.

Императрица обращалась со мной весьма благосклонно. Она нѣсколько разъ призывала меня къ себѣ и старалась мнѣ объяснить натуру и характеръ Сергія Александровича, говорила объ его добромъ сердцѣ, качествахъ и недостаткахъ и посвящала меня во всѣ особенности его нравственнаго существа; говорила, какъ надо дѣйствовать на него и вообще всячески старалась поставить меня на правильный путь въ воспитаніи ея сына. Въ тоже время она присматривалась ко мнѣ, и мнѣ было очень утѣшительно знать чрезъ Анну Ѳеодоровну, что Императрица чувствовала ко мнѣ довѣріе и благорасположеніе. Я же каждый день больше и больше проникался глубокимъ уваженіемъ къ этой высокой (нравственно) личности. Если смѣю это сказать, я проникался къ Императрицѣ чувствомъ какъ бы сыновней привязанности, какой-то глубокой въ нее вѣры и сочувствія, и эти чувства во мнѣ никогда не измѣнялись, но до конца жили въ моемъ сердцѣ, такъ что потомъ я ее любилъ всѣмъ сердцемъ, почиталъ какъ святую и былъ *вполнѣ* преданъ ей. И въ воспитаніи Великихъ Князей я, прежде всего, поставилъ себя какъ ея делегатъ и ближайшій исполнитель ея предначертаній, и это сдѣлалось не искусственно, а само собою, потому

что дѣйствительно я дѣйствовалъ по ея направленію, которое было и мое, и которое вполне совпадало съ моими убѣжденіями и наклонностями. Этому моему чувству къ Императрицѣ много я былъ въ послѣдствіи обязанъ въ успѣхѣ воспитанія; оно много содѣйствовало и любви ко мнѣ Великихъ Князей и ихъ довѣрію ко мнѣ. Хотя въ послѣдствіи были перемѣны въ расположеніи Императрицы ко мнѣ, но эти перемѣны начались только послѣ 1869 года. Онѣ произошли отъ происковъ враждебныхъ мнѣ лицъ; отчасти я и самъ былъ въ томъ виноватъ, но въ послѣдствіи Императрица опять благорасположилась ко мнѣ и возвратила мнѣ свое полное довѣріе.

Декабрь, Январь, Февраль и Мартъ, до половины Апрѣля, я прожилъ такимъ образомъ. Я былъ такъ занятъ предстоящей мнѣ обязанностью, что я даже мало помню событія этого времени и кого въ это время я видѣлъ. Помню только, что мы продолжали быть по Понедѣльникамъ вечеромъ у княжны Львовой въ Михайловскомъ дворцѣ, т. е. у Великой Княгини Елены Павловны, которая съ самаго начала, т. е. съ 1855 года (когда я командовалъ пароходомъ „Фонтанка“ и не разъ перевозилъ Ея Высочество въ Ораніенбаумъ) была ко мнѣ неизмѣнно добра и приглашала въ свое общество. Бывалъ я часто съ сестрой у графини Блудовой, у Веневитиновыхъ; но все это было какъ-то между прочимъ и не оставило слѣдовъ въ моей памяти. Помню, что ѣздилъ я иногда къ адмиралу Посьету, воспитателю Великаго Князя Алексѣя Александровича; онъ очень дружественно относился ко мнѣ и моему назначенію, знакомилъ меня съ трудностями и подводными камнями, представляющими столько препятствій воспитанію принцевъ крови, и вообще, всячески старался быть мнѣ полезнымъ добрыми совѣтами, внушаемыми ему долготѣнимъ опытомъ на поприщѣ воспитанія Великаго Князя Алексѣя Александровича и его искреннимъ желаніемъ блага мнѣ и успѣха въ предпринимаемой мною задачѣ. Я слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и признательностью и хотя мнѣ казалось, что нѣкоторая узкость, строгость и скука въ жизни весьма большія ошибки въ системѣ адмирала Посьета, но тѣмъ не менѣе мнѣ было очень полезно узнать многія подробности жизни и воспитанія Великихъ Князей въ Зимнемъ дворцѣ, и вообще адмиралъ Посьеть далъ мнѣ много очень полезныхъ практическихъ указаній.

Хотя я еще не могъ ясно видѣть ни обстановки, ни обстоятельствъ, среди которыхъ мнѣ придется дѣйствовать, ни того рода вліянія, которыя я буду имѣть на Великаго Князя, да и еще не зналъ вполне его натуры, но *суть воспитанія* Великаго Князя мнѣ уже представлялась ясно.

Я былъ убѣжденъ, что надо прежде всего вкоренить сознание безсмертія своей души, вѣру въ Бога и твердыя Христіанскія правила; что необходимы: привычка испытать все свои поступки, усердная и внимательная молитва, жизнь въ присутствіи Божиёмъ и постепенно укорененіе убѣжденія, что жизнь земная есть великая и серьезная обязанность, ведущая насъ къ вѣчности и за которую мы подлежимъ серьезной отвѣтственности; все это я считалъ необходимымъ внушить, какъ основу воспитанія и основу жизни.

Я былъ убѣжденъ, что прежде всего надо ребенка, а потомъ и юношу, *заставить полюбить добро и добродѣтель* и, еще до наступленія возраста страстей, зажечь въ душѣ живое чувство вѣры и любви къ Богу и ближнему, создать сознательное и твердое, внутреннее, сердечное *предпочтеніе добра злу, внушить любовь къ добру* и что, *если это сдѣлать не удастся, то воспитаніе должно считаться неудавшимся.*

Я полагалъ, что утопія воображать, что царственныя дѣти могли бы быть воспитаны въ незнаніи прерогативъ и особенностей своего положенія; но необходимо, чтобы въ маленькомъ князѣ утвердилось еще бѣльшее уваженіе къ человѣческому *достоинству*, чѣмъ къ великокняжескому, чтобы онъ считалъ свое званіе *вышимъ обязательствомъ*, положеннымъ на него Господомъ для службы Отечеству и ближнимъ, и чтобы отсюда истекали и милосердіе, и забота о бѣдныхъ, и вѣжливость, и внимательность, и простота въ обращеніи съ людьми, и чтобы самыя занятія учебныя онъ считалъ бы приготовленіемъ къ усвоенію привычки работать на пользу Отечеству и приобрѣтенію полезныхъ свѣдѣній для службы ему.

Мнѣ хотѣлось приохотить Великаго Князя къ занятіямъ, избѣгая, особенно въ началѣ, дѣлать ихъ скучными, и вообще избѣгать выговоровъ, наказаній и слезъ, стараясь дѣлать исполненіе долга и уроки и всю жизнь долгомъ нормальнымъ и *пріятнымъ*, и чтобы вообще юный Великій Князь развивался въ атмосферѣ любви, благорасположенія ко всемъ, въ близости къ родителямъ, которыхъ я первый помощникъ, и къ своей сестрѣ и братьямъ; чтобы онъ любилъ свой образъ жизни, свою обстановку и не скучалъ бы ею и не рвался бы вонъ изъ своихъ комнатъ, словомъ, чтобы у себя онъ былъ счастливъ и доволенъ.

Обстоятельства и характеръ Сергія Александровича, думалъ я, покажутъ мнѣ, какъ примѣнять къ дѣлу эти основы; *ибо основы Христіанскаго воспитанія неизмѣнны*, но способъ ихъ примѣненія безконечно разнообразенъ и зависитъ прежде всего отъ природы воспитанника.

Мнѣ всегда былъ присущъ примѣръ Фенелона, воспитателя герцога Бургундскаго. Фенелонъ своимъ примѣромъ и *въ своей личности* сдѣлалъ добродѣтель *симпатичною* своему царственному воспитаннику и возбудилъ въ немъ желаніе быть добродѣтельнымъ и бороться со своими недостатками; чтобы этого достигнуть, Фенелонъ не задавался мыслью *переломить* характеръ и натуру своего воспитанника, какъ, говорятъ, адмиралъ Литке дѣлалъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, чѣмъ много ему повредилъ и испортилъ его. Но Фенелонъ старался, чтобы вся страстность и кипучесть характера и страстей его питомца были бы обращены на борьбу со зломъ и вся его энергія на свое исправленіе, совершенствованіе и приобрѣтеніе тѣхъ хорошихъ качествъ, которыя стали ему самому любезны и которыя онъ считалъ необходимыми для выполненія на землѣ высокихъ обязанностей, ему предназначенныхъ.

Но Господь судилъ иначе, и бѣдная Франція получила королемъ его сына, Людовика XV. Кто знаетъ, если бы сей послѣдній былъ воспитанъ при своемъ отцѣ, не вышелъ ли бы онъ другимъ человекомъ.

Въ половинѣ Апрѣля, Царское семейство, по обыкновенію, должно было переѣхать изъ Петербурга въ Царское Село. Было рѣшено, что съ этимъ переѣздомъ Великій Князь Сергій Александровичъ, которому 29-го Апрѣля долженъ былъ исполниться семилѣтній возрастъ, поступить уже на попеченіе воспитателя, и мнѣ было сказано въ этотъ день прибыть на Петербургскую станцію Царскосельской желѣзной дороги, чтобы съ Ихъ Величествами ѣхать въ Царское Село и тамъ вступить въ свою, новую должность.

Какъ я помню этотъ день!

Въ три часа дня я былъ уже на станціи въ сюртукѣ. Приѣхали Ихъ Величества съ Великой Княжной Маріей Александровной, Сергіемъ и Павломъ Александровичами, наставницей А. Θ. Тютчевой, фрейлиной баронессой Маріей Петровной Фредериксъ, нянюшкой Павла Александровича Струтонъ. Ихъ Величества сопровождали графъ А. В. Адлербергъ, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ и докторъ Ф. Я. Карель.

Не смотря на то, что мое назначеніе было рѣшено уже болѣе года тому назадъ, мнѣ всетаки это казалось такъ ново и совершеніе этого событія даже невѣроятно. Мнѣ въ это время было 31 годъ.

По приѣздѣ въ Царскосельскій дворецъ Ихъ Величества прямо ввели Сергія Александровича въ его новыя комнаты и еще разъ благословили его, сказавъ мнѣ нѣсколько добрыхъ и прочувствованныхъ словъ.

Комнаты Великаго Князя Сергія Александровича были внизу (подъ комнатами Императрицы) окнами на „собственный“ садъ; въ нихъ прежде жили старшіе сыновья Ихъ Величествъ, которые по мѣрѣ прижоденія въ возрастъ получали другое помѣщеніе. Вотъ планъ этихъ комнатъ, гдѣ я провелъ 16-ть лѣтъ, т. е. до 1881 кончины Императора Александра II-го.

Къ этому же времени былъ опредѣленъ и штатъ прислуги Великаго Князя. Камердинеръ *Хрѣновъ*, бывшій дядькой (старый унтеръ-офицеръ Семеновскаго полка) при всѣхъ старшихъ братьяхъ Великихъ Князей и при немъ самомъ, прекрасный, вѣрный, преданный до самоотверженія царской семьѣ, старикъ, не много имъ надоѣдавшій. Старшіе Князья отдавали справедливость Хрѣнову, но не особенно его любили. Великій Князь Сергій Александровичъ сначала довольно любилъ Хрѣнова, но потомъ переходилъ чрезъ тѣже фазисы, что и его братья; но въ концѣ концовъ, по врожденной ему добротѣ и справедливости, онъ Хрѣнова искренно любилъ и сталъ называть его „Маврой“, что Хрѣнову очень не нравилось.

Второй камердинеръ *Датскій* очень былъ сначала хорошъ, умѣлъ служить, смотрѣть за имуществомъ, но потомъ онъ загордился, зазнался и былъ всегда несносенъ и Великимъ Князьямъ и мнѣ.

Затѣмъ было еще два рейткнехта Савостьяновъ и Гинценбергъ.

Въ Царскомъ Селѣ праздновали и день рожденія Великаго Князя Сергія Александровича. 29 Апрѣля ему исполнилось 7 лѣтъ, и въ этотъ день вышелъ приказъ о моемъ назначеніи: „Адъютантъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя генераль-адъютанта Константина Николаевича Гвардейскаго Экипажа капитанъ-лейтенантъ Арсеньевъ назначается состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Великому Князю Сергію Александровичу“.

Когда я представлялся при этомъ случаѣ Государю, онъ былъ очень милостивъ и сказалъ: „Ну ты, покамѣсть, сними эту форму“. Я снялъ адъютантскую форму и сшилъ себѣ форму Гвардейскаго Экипажа, въ которой и сталъ ходить.

Въ Царскомъ Селѣ мы прожили въ этотъ разъ не долго; въ первой половинѣ Мая Ихъ Величества съ тремя младшими дѣтьми должны были ѣхать сначала въ Киссингенъ, затѣмъ провести лѣто въ Дармштадтѣ и на зиму ѣхать въ Ниццу, куда Государь уже не намѣревался сопровождать Императрицу.

Первые дни жизни при Сергіи Александровичѣ были мнѣ очень отрадны; онъ молился при мнѣ еще въ это время вслухъ и молился всегда очень усердно и внимательно.

Затѣмъ когда онъ былъ совсѣмъ готовъ, то выходилъ гулять съ Государемъ въ садъ и съ Его Величествомъ возвращался пить кофе съ Императрицей и сестрой; потомъ возвращался въ свои комнаты. Три первые дня мы устраивались. Распредѣлялся *миръ ея шрушекъ*, и онъ видимо былъ доволенъ, что я снизошелъ къ этому міру и вошелъ въ него; вѣроятно сначала онъ думалъ, что гувернеръ будетъ заниматься уничтоженіемъ всѣхъ дѣтскихъ радостей и всего прежняго образа жизни, но я именно старался, чтобы этого не было. Я соблюлъ весь его дѣтскій обиходъ, вошелъ во всѣ его интересы и забавы и старался, чтобы онъ не чувствовалъ себя отрѣзаннымъ отъ сестры и младшаго брата Павла Александровича, котораго онъ особенно любилъ и съ которымъ до того проводилъ большую часть дня; притомъ и няня Павла Александровича, Екатерина Ивановна Струтотъ была и няней Сергія Александровича, и онъ ее нѣжно любилъ.

Я ходилъ съ Сергіемъ Александровичемъ къ Павлу Александровичу и просилъ Екатерину Ивановну приходить и къ намъ съ Павломъ Александровичемъ почаще и Сергія Александровича, по прежнему, всегда пускать къ себѣ. Хорошая старушка Екатерина Ивановна съ первыхъ дней моего поступленія меня полюбила; съ той поры мы всегда были съ ней въ большой дружбѣ, и она мнѣ вполне довѣряла, радовалась, что я назначенъ къ Сергію Александровичу и скоро стала отъ всего сердца желать, чтобы по наступленіи Павлу Александровичу *семи лтъ* и его отдали на мое попеченіе. Понятно, что эти отношенія между Екатериной Ивановной и мною много содѣйствовали развитію привязанности ко мнѣ и въ Сергіѣ Александровичѣ и въ его братѣ, и жизнь братьевъ была очень оживлена и радостна въ слѣдствіе продолженія прежней близости; потомъ эта привычка перешла въ настоящую братскую, нѣжную любовь, дружбу и полное довѣріе и откровенность между братьями.

Въ свободные часы я ходилъ, когда погода позволяла, играть съ Великимъ Княземъ на ферму (на островкѣ въ „собственномъ“ саду).

Занятія Русскимъ языкомъ продолжались съ Софіей Ивановной Митрополовой, почтенной и доброй старушкой, первой учительницей

Русской грамотѣ у Великой Княжны Маріи Александровны и у Сергія Александровича; тоже продолжались и Французскіе уроки съ г-мъ *Реми*, который долженъ былъ ѣхать одновременно съ нами за границу, чтобы продолжать тамъ уроки съ Великой Княжной и Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ.

Черезъ три дня послѣ переѣзда нашего въ Царское Село Великій Князь Сергій Александровичъ простудился. Я сначала очень обезпокоился, но оказалось, что это была легкая простудная лихорадка, которая черезъ три дня, слава Богу, совсѣмъ прошла.

Эти первые дни моего сожителства съ милымъ Сергіемъ Александровичемъ были мнѣ отрадны. Въ нѣсколько дней я больше сблизился съ нимъ нежели чѣмъ въ годовое время моихъ къ нему пріѣздовъ.

Я убѣдился, что Сергій Александровичъ былъ доброе, чрезвычайно сердечное и симпатичное дитя, нѣжно привязанное къ родителямъ и особенно къ матери, которую онъ всегда обожалъ, къ своей сестрѣ и младшему брату; онъ очень много и интересно игралъ и, благодаря свосму живому воображенію, игры его были умныя, и мнѣ легко и даже пріятно было принимать въ нихъ живое участіе. Онъ тоже былъ пріученъ слушать чтеніе въ слухъ, любилъ, когда ему читаютъ. Понятно, что все это мнѣ очень облегчало мой трудъ и дѣлало его пріятнымъ. Со мною сбывалось по тексту: „Идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ“.

Мало по малу моя жизнь стала сливаться съ жизнью моего милаго воспитанника, даже, на время, сѣзился мой горизонтъ до нѣкоторой степени: у меня не было интересовъ внѣ дѣтскаго міра Сергія Александровича, внѣ его дѣтской, и я къ нему привязался всей душой.

За нѣсколько дней до Ихъ Величествъ выѣхалъ за границу Наслѣдникъ Великій Князь Николай Александровичъ; онъ поѣхалъ сначала въ Берлинъ, а оттуда въ Копенгагенъ, гдѣ долженъ былъ увидѣть принцессу Дагмаръ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ благопріятнаго впечатлѣнія, просить ея руки. Цесаревича въ его путешествіи сопровождали его попечитель графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, флигель-адъютантъ полковникъ Рихтеръ, состоящій при Цесаревичѣ, и два адъютанта Козловъ и князь Барятинскій. Въ это время Цесаревичъ еще не былъ совершенно боленъ, но здоровье его было уже нехорошо: онъ страдалъ иногда сильными болями въ спинѣ, такъ что иногда долженъ былъ ходить согнувшись. Никто не понималъ его болѣзни, ни ея происхожденія, а многіе даже сомнѣвались въ ея дѣйствительности, и въ этомъ числѣ былъ и графъ Строгановъ, а отчасти и Рихтеръ: такъ напримѣръ, во время пребыванія въ Берлинѣ, гдѣ Цесаревичъ очень страдалъ, такъ что не былъ въ состояніи, во время парада,

сѣсть на лошадь верхомъ, графъ Строгановъ жестоко ему сказалъ: „Cessez vos affectations et montez à cheval!“ *) и Цесаревичъ, побѣдивъ страшную боль, имѣлъ силу воли сѣсть верхомъ, и говорятъ, что во время парада онъ страшно страдалъ. Но такъ какъ временами вообще боль, если и не проходила совсѣмъ, утихала, то никому и не приходило въ голову, что онъ серьезно боленъ; а между тѣмъ уже болѣе года Цесаревичу нездоровилось, и онъ въ это время утратилъ ту свѣжесть лица и здоровый видъ, которые у него прежде были.

Цесаревичъ не былъ лихимъ кавалеристомъ. и, кажется, даже не особенно любилъ ѣзду верхомъ, хотя ѣздилъ очень хорошо и очень красиво сидѣлъ на лошади. Когда при наступленіи его совершеннолѣтія (т. е. 16-ти лѣтъ), ему назначили попечителемъ графа Строганова, то графъ Строгановъ, между многими весьма хорошими мѣрами, придумывалъ и много неподходящаго; такъ напримѣръ, находя, что Цесаревичъ не довольно мужественъ (и это было совершенно несправедливо), задумалъ его сдѣлать спортсменомъ и настоялъ на томъ, чтобы онъ, Наслѣдникъ Русскаго престола, котораго жизнь была такъ драгоцѣнна, скакалъ на скачкахъ. Результатомъ этого было страшное паденіе Цесаревича съ лошади, на всемъ скаку; онъ упалъ на спину и болѣе часа лежалъ безъ памяти. Можно себѣ представить ужасъ и горе Ихъ Величествъ; но потомъ Цесаревичъ пришелъ въ себя, и паденіе какъ будто, по мнѣнію докторовъ, оказалось безъ важныхъ послѣдствій. Вѣроятно, что во время паденія спиною о землю была повреждена надкостная плева надъ однимъ изъ позвонковъ спиннаго хребта, что и произвело потомъ порчу позвонка, оказавшуюся послѣ смерти Цесаревича, при вскрытіи его тѣла. Но тогда, повторяю, всѣ были далеко отъ этой мысли и надѣялись, что когда Цесаревичъ женится, здоровье его совсѣмъ поправится.

1-го Мая Ихъ Величества изъ Царскаго Села выѣхали по желѣзной дорогѣ за границу съ Великой Княжной Маріей Александровной и Великими Князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами. Ихъ сопровождали генераль-адъютантъ графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ, тогда еще не министръ двора, а только командующій Императорской Главной Квартирой, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ оберъ-гофъ-маршалъ, флигель-адъютантъ Рылѣевъ и докторъ Карель. Фрейлины баронесса Марія Петровна Фредериксъ и Анна Феодоровна Тютчева, эта послѣдняя въ качествѣ наставницы Великой Княжны; при ней была помощница Марѳа Степановна Сабинина (дочь Веймарскаго священника). При Павлѣ Александровичѣ была его няня Е. И. Струтонъ, а при Великомъ Князѣ Сергіѣ Александровичѣ я.

*) Кончите ваши привереды и садитесь на коня.

Помню, что въ день отъѣзда, какъ всегда у Царской фамилии, былъ напутственный молебень, при которомъ присутствовали всѣ отъѣзжающіе, и что на первую ночь Ихъ Величества со свитой остановились въ Динабургѣ, въ комендантскомъ домѣ.

Первымъ этапомъ нашимъ за границей былъ Потсдамъ, гдѣ Ихъ Величества провели четыре дня; по малолѣтству Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей, мы все время проводили въ дѣтскихъ, располагая своимъ временемъ, какъ хотѣли. У меня все время, и особенно въ 8 часовъ вечера и всю ночь, постоянно болѣли зубы, и это пребываніе не оставило во мнѣ никакихъ пріятныхъ воспоминаній.

Изъ Потсдама Ихъ Величества проѣхали въ Дармштадтъ.

Ихъ Величества поселились съ дѣтьми въ замкъ, какъ называется главный дворецъ въ Дармштадтѣ; это дѣйствительно средневѣковой замокъ, со стѣнами, съ башнями и рвами кругомъ, которые обращены въ садъ. Замокъ этотъ очень таинственный; въ немъ, говорятъ, является бѣлая женщина, портретъ которой находится тутъ же въ одной изъ залъ. Великая Княжна и Сергіи Александровичъ и Павелъ Александровичъ и находящіеся при нихъ, мы всѣ занимали смежныя комнаты; Ихъ Высочества обѣдали и завтракали вмѣстѣ у себя и ѣздили только иногда съ родителями кататься.

Я былъ представленъ всѣмъ членамъ гротъ-герцогской фамилии и долженъ сказать, что они всѣ были очень хорошіе люди. Гротъ-герцогъ Людвигъ II-ой, старшій братъ нашей Императрицы, былъ громаднаго роста и непомярной толстоты, человѣкъ слонообразнаго сложенія. Онъ былъ большой оригиналъ; со времени смерти гротъ-герцогини Матильды его жены, онъ велъ жизнь очень уединенную и замкнутую; онъ былъ добрый и умный человѣкъ, но съ большими причудами. Онъ очень любилъ Императрицу и всѣхъ ея дѣтей. Во всѣ наши пребыванія въ Дармштадтѣ онъ былъ очень со мной любезенъ и выражалъ свое благоволеніе дарованіемъ мнѣ всякій разъ ордена; на этотъ первый разъ я получилъ командорскій крестъ Филиппа Великодушнаго.

Второй братъ Императрицы принцъ Карлъ, тоже много ея старше, прелестный, скромный, благочестивый и тихій человѣкъ; онъ женатъ на сестрѣ Баварской королевы, Прусской принцессѣ Елисаветѣ, какъ ее тутъ зовутъ la princesse Charles; она тоже очень добрая и почтенная, симпатичная принцесса. Императрица очень любитъ и почитаетъ своего брата принца Карла.

Старшій сынъ принца Карла женатъ на принцессѣ Алисѣ, дочери королевы Викторіи, и онъ потомъ наследовалъ своему дядѣ на гротъ-герцогскомъ престолѣ. Дѣти ихъ еще были очень малы, и Великій Князь Сергіи Александровичъ присутствовалъ нѣсколько разъ при

купаніи своей будущей супруги Великой Княжны Елисаветы Феодоровны, тогда маленькой принцессы Эллы.

Третій братъ Императрицы принцъ Александръ Гессенскій, былъ самый близкій ей изъ братьевъ: они были погодки, все дѣтство провели вмѣстѣ и очень другъ друга любили. Принцъ Александръ былъ дѣйствительно, что называется, милѣйшій человѣкъ, очень образованный, талантливый, умный и чрезвычайно веселый, остроумный, любезный, добрый, деликатный и симпатичный человѣкъ. Онъ не могъ не нравиться, и его нельзя было не любить. При этомъ хотя весьма скромный, но держалъ себя всегда съ большимъ достоинствомъ, которое было очень симпатично, благодаря простотѣ его обхожденія и большой вѣжливости. Императрица не видала его уже болѣе десяти лѣтъ, т. е. со времени отъѣзда принца изъ Россіи, по случаю женитьбы его на фрейлинѣ, тогда еще Цесаревны Маріи Александровны, графинѣ Гауке, которой при ея замужествѣ дали титулъ графини Баттенбергъ. Сначала графиню приняли въ Darmstadtскую семью очень холодно, чтобы не сказать больше. Такъ этотъ бракъ принца Александра разбилъ всю его карьеру въ Россіи, которую онъ тогда же и долженъ былъ покинуть. Но графиня Баттенбергъ оказалась такою прекрасною женою и матерью и держала себя такъ скромно и достойно, что все Гессенское семейство, которое состояло изъ такихъ прекрасныхъ личностей, скоро ее оцѣнило и полюбило, и теперь она была какъ членъ гротъ-герцогской семьи. Весною 1864 г. гротъ-герцогъ Гессенскій пожаловалъ графиню титуломъ княгини, и всѣ дѣти ея отнынѣ принцы Баттенберги. Ихъ было четверо: старшій пр. Людвигъ, ему было теперь 12 лѣтъ, Сандро (будущій князь Болгарскій), Генрихъ (въ послѣдствіи женатый на дочери Англійской королевы) и 6 лѣтній Францъ Юсифъ; дочери принцессѣ Маріи было 14 лѣтъ, и она очень подружилась съ Великой Княжной Маріей Александровной.

*

Въ Ниццѣ былъ слишкомъ занятъ, чтобы ѣздить часто на эскадру, но ея командиры приглашались къ обѣду къ Ея Величеству и бывали вообще часто въ Ниццѣ.

Я былъ близокъ только съ Оскаромъ Карловичемъ Кремеромъ, съ которымъ въ 1857—1858 году плавалъ въ продолженіи 11-ти мѣсяцевъ на корветѣ „Вепрь“, въ эскадрѣ капитана 1-го ранга Винка, ходившей изъ Кронштадта въ Черное море. Во время этого плаванія присутствіе О. К. Кремера было мнѣ чрезвычайно отрадно, такъ какъ онъ былъ человѣкъ очень образованный, интересовавшійся всѣмъ, что касалось исторіи, искусствъ и особенностей посѣщенныхъ нами мѣстностей. Его сообщество было мнѣ очень пріятно, и мы съ тѣхъ поръ

сдѣлались неизмѣнными друзьями. Онъ тогда былъ флагъ-капитаномъ, начальникомъ эскадры, а я (въ званіи адъютанта управляющаго Морскимъ Министерствомъ) былъ тогда вахтеннымъ начальникомъ (2-ой вахты) на корветъ „Вепрь“.

Капитанъ Θεодоровскій былъ много меня старше: я былъ еще кадетомъ малолѣтней роты, когда онъ, будучи слушателемъ офицерскихъ классовъ, дежурилъ въ малолѣтней ротѣ. Въ 1853 году онъ былъ лейтенантомъ на „Аврорѣ“, а я на корветъ „Наваринъ“, и мы одновременно были съ нимъ въ Англіи, зимою 1852 года.

Флигель-адъютантъ Бирилевъ, Севастопольскій герой, былъ добрый человекъ, но безъ всякаго воспитанія и образованія и, не смотря на свою доказанную храбрость, былъ самый пошлый человекъ. Къ несчастію, Марія Θεодоровна Тютчева (младшая дочь поэта, дѣвица умная, образованная, очень милая и съ такой возвышенной натурой) влюбилась въ него. Самая его пошлость принималась ею за простоту и прямоту храбреца, и даже полная невоспитанность Бирилева ей нравилась, принимаемая какъ противоположность съ банальнымъ лоскомъ свѣтскихъ кавалеровъ; со мной она была очень коротко знакома, почти дружна, и она мнѣ высказала о своемъ чувствѣ и о желаніи выйдти за него замужъ. Хотя я, зная Бирилева съ Морского Корпуса, гдѣ мы одновременно были кадетами (онъ вышелъ двумя годами раньше меня), не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій на его счетъ, но все таки считая его добрымъ и честнымъ человекомъ, полагалъ, что онъ будетъ хорошимъ мужемъ и, что разъ онъ нравится Маріи Θεодоровнѣ, такъ какъ это дѣло вкуса, то нѣтъ причины не исполнить ея желанія и не дать ему совѣта искать ея руки. Я это и сдѣлалъ. Анна Θεодоровна тоже этому сочувствовала, вѣроятно смотря на Бирилева сквозь призму его геройства въ Севастополѣ.

Но отецъ—Тютчевъ былъ сильно противъ этого брака и даже разъ (я не могу вспомнить безъ тяжелаго чувства сожалѣнія и нѣкотораго даже угрызенія совѣсти) онъ утромъ пришелъ ко мнѣ и просилъ меня повліять на дочь его противъ этого брака и постараться, чтобы онъ не состоялся. Но я въ ослѣпленіи думалъ, что онъ ошибался въ Бирилевѣ и что его неодобрительное о немъ мнѣніе основано на томъ, что его коробило слышать, какъ Бирилевъ ужасно говоритъ по французски: „Il ne dit pas deux mots, dont on ne doit rougir“, говорилъ Ѳ. И. Тютчевъ про Французскую рѣчь Бирилева“*).

*) При этомъ Ѳ. И. говоря про Бирилева прибавлялъ: „C'est peut être un lion, mais en tout cas ce n'est pas un aigle!“ Онъ не говоритъ двухъ словъ, за которыя не надо бы краснѣть.—Это, можетъ быть, левъ, но во всякомъ случаѣ это не орелъ.

Притомъ же всякія доводы Маріи Θεодоровнѣ противъ брака съ Бирилевымъ ни къ чему бы не повели; она была въ него влюблена и рѣшилась выйдти за него замужъ.

Скоро предложеніе было сдѣлано, дано согласіе, и передъ масляницей они были обвиняны въ нашей православной церкви въ Ниццѣ. Сначала Марія Θεодоровна была счастлива, у нея черезъ годъ родилась дочка, которая была ей великой радостью; но въ то же время у мужа стали проявляться, даже скоро послѣ свадьбы, признаки размягченія мозга (вѣроятно вслѣдствіи контузіи въ голову во время Севастопольской осады); мало по малу онъ сталъ впадать въ идиотизмъ; черезъ годъ дочка ихъ умерла, и скоро и сама Марія Θεодоровна умерла, а Бирилевъ еще прожилъ нѣсколько лѣтъ въ состояніи почти совершеннаго идиотизма. Я видѣлъ Марію Θεодоровну въ годъ послѣ ея свадьбы нѣсколько разъ: *Elle était malheureuse, mais douce, résignée et ne se plaignant jamais!**) Она скончалась во время одного изъ нашихъ послѣдующихъ путешествій за границу.

Зимою маленькіе Великіе Князья Сергій и Павелъ Александровичи, вмѣстѣ съ дѣтьми Бобринскими, играли въ первый разъ въ жизни спектакль для Императрицы. Театръ былъ устроенъ въ пустыхъ комнатахъ нижняго этажа виллы Пельонъ, и давали пьесу на Французскомъ языкѣ „*La mansarde du Crim*“, сочиненіе графа Александра Алексѣевича Бобринскаго.

Приготовленія шли довольно долго; для дирижированія былъ приглашенъ отставной актеръ, кажется Бордосскаго театра, г-нъ Арманъ (онъ былъ масонъ и предложилъ мнѣ однажды посѣтить масонскую ложу въ Ниццѣ, что я и сдѣлалъ; это было очень интересно, и я былъ очень доволенъ, что хотя разъ въ жизни удалось видѣть собраніе масоновъ, о которыхъ я въ дѣтствѣ и потомъ такъ много слышалъ). Но, возвращаясь къ спектаклю, я помню, что было одно мѣсто, дойдя до котораго Великій Князь Павелъ Александровичъ всегда начиналъ плакать; ему было всего четыре года, и этотъ пассажъ должны были измѣнить, чѣмъ и прекратили слезы. Спектакль удался, всѣ играли очень мило, и Императрица была очень довольна.

Въ эту зиму, Императоръ Наполеонъ III-ій посѣтилъ въ Ниццѣ Императрицу. Съ нашимъ Государемъ онъ уже имѣлъ свиданіе въ прошломъ году, кажется въ Штутгартѣ, но съ предварительнымъ условіемъ, съ нашей стороны, не упоминать о Польшѣ, что и было соблюдено. Предполагалось тогда, что въ Штутгартѣ пріѣдетъ и императрица Евгенія, чтобы видѣть нашу Императрицу, но наша Императрица, не

*) Она была несчастна, но кротка, самоотверженна и никогда не жаловалась.

знаю почему, ни за что этого не хотѣла, и Наполеонъ пріѣхалъ тогда одинъ.

И теперь онъ пріѣхалъ одинъ. Его сопровождали генераль Флери и адмираль Julien de la Gravière въ качествѣ генераль-адъютанта. Я былъ очень радъ увидѣться съ адмираломъ Де-Ла Гравьеромъ, котораго я зналъ въ Тулонѣ въ 1858 году, когда онъ командовалъ эскадрой, и я неоднократно былъ у него на кораблѣ. Да и всѣ мы Русскіе моряки, его знавшіе, очень любили его. Французскіе же морскіе офицеры обожали адмирала. Но тогда онъ былъ въ душѣ Орлеанистомъ, бывъ пріятелемъ и прежде сослуживцемъ принца Жуанвильскаго. Встрѣтившись теперь со мною, онъ былъ сначала, какъ бы нѣсколько сконфуженъ: „Vous devez être étonné“ сказалъ мнѣ послѣ первыхъ привѣтствій, „de me voir avec l'Empereur; mais vous savez, en le servant, je sers la France, et puis l'Empereur est un charmant et très brave homme!“¹⁾

Посѣтивъ Императрицу утромъ, Наполеонъ со своей свитой обѣдалъ у Ея Величества и хотя въ этотъ день Великій Князь Сергій Александровичъ и не обѣдалъ за столомъ, а съ маленькимъ братомъ у него на верху, но Императрица была такъ добра, что меня велѣла пригласить обѣдать, что дѣйствительно было очень интересно.

Я нашелъ, что Наполеонъ дѣйствительно былъ очень пріятенъ и даже скорѣе возбуждалъ симпатичное къ нему чувство. Il avait, à ce qui me semblait, l'air très flatté d'être avec l'Impératrice, très empressé et très aimable²⁾; а, послѣ обѣда, когда привели дѣтей, Наполеонъ очень любовался костюмомъ Павла Александровича, Русской красной шелковой рубашкой, и поцѣловалъ ему руку. На другой день Императоръ Наполеонъ возвратился въ Парижъ.

Наканунѣ праздника Рождества Христова у Императрицы была ѣлка для дѣтей, на которую были приглашены фрейлины баронесса Фредериксъ, А. Θ. Тютчева, няня Павла Александровича и я. Мнѣ, между прочимъ Императрица подарила пуговицы (boutons de manches) съ Греческою надписью: *ΑΕΙ* (на всегда); я былъ этимъ очень тронутъ и добрыми словами, которыя она при этомъ сказала мнѣ, *что надѣется, что такъ и будетъ*. Эти пуговицы и теперь сохраняются у меня, и дѣйствительно такъ и исполнилось: я оставался при дѣтяхъ Императрицы до конца, т. е. до ихъ совершеннолѣтія въ 25 лѣтъ; сначала въ качествѣ воспитателя, а потомъ въ качествѣ попечителя. И хотя

¹⁾ Вы должны удивиться, видя меня при императорѣ; но знаете, служа ему, служу Франціи, да къ тому же онъ привлекательный и бравый человекъ.

²⁾ Мнѣ казалось, что онъ чувствуетъ себя польщеннымъ отъ свиданія съ Императрицей; онъ былъ очень предупредителенъ и очень любезенъ.

въ послѣдствіи, одно время, Императрица была ко мнѣ менѣе благо-расположена и менѣе меня приближала, но потомъ это все прошло, и прежняя ея довѣренность ко мнѣ возвратилась.

Время проходило въ Ниццѣ мирно и пріятно; могло бы быть и весело, но я не искалъ веселья, предпочитая тихую отраду своихъ занятій и полноту сердечной жизни между Великимъ Княземъ и дорогой сестрою. День у меня весь былъ занятъ за исключеніемъ 2-хъ часовъ (т. е. отъ 2-хъ до 4-хъ) послѣ полуденной прогулки Императрицы съ дѣтьми; въ это время я ѣздилъ иногда въ городъ и дѣлалъ визиты.

Когда погода позволяла, Великій Князь Сергій Александровичъ игралъ днемъ въ саду виллы Пельонъ; тамъ, у маленькаго ручейка, у него былъ устроенъ цѣлый мірокъ: домикъ, желѣзная дорога и пр. заведенія для его *мопсовъ*, фарфоровыхъ собачекъ, замѣнявшихъ ему куколъ; это впрочемъ, подъ видомъ собачекъ и всякихъ фарфоровыхъ звѣрковъ, ихъ подданныхъ, была какъ бы игра въ настоящую жизнь со всѣми ея препятствіями и случайностями.

Такая же игра была раньше у Великаго Князя Алексѣя Александровича, а потомъ и у Павла Александровича. Были прежде всего *царь мопсъ*, котораго всегда Сергій Александровичъ носилъ у себя и съ собою вездѣ въ карманѣ; но у этого мопса была жена, царица, дѣти, министры, придворные слуги, войско и прочее. У мопса былъ всегда дворецъ, и кругомъ его царства паркъ и всякія службы, и эта игра, развиваясь, видоизмѣняясь и совершенствуясь, продолжалась у Великихъ Князей почти до 15-ти лѣтъ. Многіе потомъ меня осуждали, что я это позволялъ; но я былъ глубоко убѣжденъ, что эти игры не задерживали нисколько нравственнаго и умственнаго развитія Великихъ Князей и не мѣшали ихъ учебнымъ занятіямъ, а были болѣе благодѣтельны, чѣмъ вредны. Чтò за бѣда, что они были дѣтьми нѣсколько мѣсяцевъ больше, но за то невинность и чистота ихъ поддерживалась, и въ періодъ перваго проявленія страстей хорошо было имѣть такое невинное развлеченіе, да наконецъ и дѣйствительная жизнь взрослыхъ не посвящается ли часто бѣганію за развлеченіями и увеселеніями? *Est-ce que les hommes ne sont pas toujours de grands enfants?*)* И вотъ почему, я былъ очень радъ, что Великій Князь любилъ и умѣлъ играть, и я старался принимать участіе въ его играхъ, вводя въ нихъ *безъ натяжекъ* нравственныя начала и незамѣтное сообщеніе всякихъ свѣдѣній въ постройкахъ и кукольныхъ театральныхъ зрѣлищахъ, и т. п. Такъ дома, въ свободные часы, вечеромъ, я устроилъ маленькій

*) Развѣ люди не всегдашніи дѣти?

кукольный театр и представлялъ Сергію Александровичу и Павлу Александровичу „Аладинову Лампу“ и другія вещи.

Сергій Александровичъ, слава Богу, былъ здоровъ все время и очень полюбилъ свою жизнь со мной. Дѣйствительно, онъ былъ окруженъ любовью, лаской, кротостью и внимательнымъ, сердечнымъ попеченіемъ, и ему никогда, у себя не было скучно, и это потому, что я не старался держать его вдали отъ всѣхъ; онъ, при моемъ поступленіи къ нему, продолжалъ проводить обычные часы съ родителями и сестрою и маленькимъ братомъ, котораго онъ такъ нѣжно любилъ. Такимъ образомъ всѣ его сердечныя чувства были всегда удовлетворены; въ его жизни было разнообразіе и постоянный интересъ; онъ былъ, однимъ словомъ, счастливъ и занятъ пріятно.

Благодарю Бога, что онъ помогъ мнѣ устроить моему воспитанику счастливое дѣтство, о которомъ онъ всегда будетъ вспоминать съ удовольствіемъ. Это сознаніе, что Сергій Александровичъ веденъ хорошо и что онъ счастливъ и привязанъ къ своему воспитателю, очень утѣшало и радовало Императрицу.

Старшіе братья Великаго Князя, натуры которыхъ были часто непонимаемы ихъ воспитателями, мѣшавшими имъ играть или не понимавшими ихъ натуры и дѣтскихъ чувствъ и потребностей и часто оскорблявшими дѣтей, en les froissant¹⁾, видя въ послѣдствіи, какъ ихъ братъ младшій воспитывался иначе и счастливѣе, чѣмъ они, тоже отдавали мнѣ справедливость и, начиная съ Наслѣдника, были ко мнѣ очень хорошо расположены.

Великій Князь Наслѣдникъ Николай Александровичъ долженъ былъ пріѣхать изъ Италіи въ Ниццу къ Рождеству, и для Его Высочества была нанята въ Ниццѣ вилла *Disbach* на „Promenade des Anglais“²⁾; а въ началѣ зимы, до его пріѣзда, помѣстили въ этой виллѣ великаго герцога Гессенскаго, который и оставался въ Ниццѣ почти до праздниковъ.

Между тѣмъ извѣстія о здоровьѣ Цесаревича были не хороши, и онъ, въ продолженіи почти всего своего пребыванія во Флоренціи былъ боленъ. Бывшій при немъ докторъ Шестовъ приписывалъ это, какъ говорятъ, вліянію дождливой погоды, бывшей все это время во Флоренціи, какъ это обыкновенно и бываетъ тамъ въ Ноябрь и Декабрь. Императрица была очень огорчена, что Наслѣдникъ по болѣзни не могъ прибыть въ Ниццу ни къ Рождеству, ни даже къ Новому году.

¹⁾ Наказывая розгою.

²⁾ Promenade des Anglais, наименованіе набережной въ Ниццѣ, гдѣ много отелей, виллъ и бульваръ съ пальмами на морскомъ берегу.

И мнѣ, кажется, тутъ только здоровье Цесаревича стало возбуждать нѣсколько серьезныхъ опасенія. Становилось ясно, что если здоровье столь молодого человѣка не поправляется такъ долго и даже будто ухудшается, то это не можетъ быть незначительная простуда, но что нибудь болѣе серьезное.

Наконецъ Цесаревичъ пріѣхалъ въ Ниццу, кажется, въ половинѣ Января и поселился въ виллѣ Дисбахъ, со своею свитою. Первое время онъ какъ бы чувствовалъ себя не дурно, пріѣзжалъ обѣдать къ Императрицѣ, во время карнавала *Promenade des Anglais*, даже участвовалъ въ бросаніи цвѣтовъ и конфектъ (*drageés*) и очень веселился. Но вскорѣ послѣ этого онъ опять сталъ страдать болями въ спинѣ и мало по малу все болѣе и болѣе переходитъ на положеніе больного: не могъ уже ѣздить обѣдать къ матери, ни ѣздить кататься съ нею, а катался немного одинъ, съ кѣмъ нибудь изъ своихъ, ходилъ пѣшкомъ очень мало, и потомъ уже и не ходилъ пѣшкомъ совсѣмъ, и иногда очень мучился.

Однако я нѣсколько разъ былъ у Его Высочества, иногда съ Сергіемъ Александровичемъ, въ которомъ Цесаревичъ бралъ братское участіе; иногда я былъ у него и одинъ, такъ какъ Николай Александровичъ былъ ко мнѣ весьма благосклоненъ, и я его очень любилъ. Онъ насъ, особенно сначала, всегда принималъ, бесѣдовалъ очень весело и не жаловался ни на что, но потомъ, уже часто, онъ не могъ никого принимать, и только одна Императрица всякій день его навѣщала и сидѣла у него по нѣскольку времени.

Пользовали его въ это время докторъ Императрицы Гартманъ и Шестовъ; рѣшили пригласить изъ Парижа доктора императора Наполеона Нелатона, и онъ, осмотрѣвъ Цесаревича, тоже не нашелъ никакой скрытой болѣзни и не признавалъ опасности въ его положеніи. Но такъ какъ въ концѣ Февраля страданія очень усилились, и Цесаревичъ худо спалъ ночью, то предположили, что этому причиною близость виллы отъ моря и перевезли его на виллу Бермонъ*), оттуда перевели графинь Протасову и Влудову и другихъ тамъ жившихъ. Это было большое облегченіе и для Императрицы, такъ какъ вилла Бермонъ и ея вилла были смежны, и чрезъ устроенный сквозь заборъ проходъ Императрица могла по нѣскольку разъ въ день ходить къ сыну.

Не смотря на болѣзненное состояніе Цесаревича, всѣ приготовленія къ устройству его двора и жизни въ Аничковомъ дворцѣ продолжали дѣлаться. Въ Ниццу пріѣхалъ Владимиръ Яковлевичъ Скарятинъ,

*) Вилла Бермонъ, въ которой жила свита Императрицы, находилась рядомъ съ виллою Пельонъ, занимаемой Императрицей.

недавно назначенный гофмаршалъ двора Цесаревича. Хотя Скарятинъ былъ двоюродный братъ оберъ-гофмаршала графа Шувалова и очень друженъ съ нимъ, но не ему онъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ.

В. Я. Скарятинъ, совершенно для всѣхъ неожиданно, выбралъ самъ Цесаревичъ еще въ 1862 году. Въ это время праздновалось тысячелѣтіе Россіи въ Новгородѣ, гдѣ В. Я. Скарятинъ былъ тогда губернаторомъ. Онъ былъ богатый человѣкъ, домъ его былъ на хорошей ногѣ и въ большомъ порядкѣ, а равно и управленіе имѣніями, въ которыхъ крестьяне были еще освобождены до общей эмансипаціи. Владимиръ Яковлевичъ былъ человѣкъ очень образованный, умный, энергичный, благородный и, какъ называется у насъ, большой баринъ, дѣльный человѣкъ и хорошій помѣщикъ. Совокупность этихъ хорошихъ качествъ привлекла къ нему вниманіе Цесаревича. Скарятинъ ему понравился, и Цесаревичъ рѣшилъ, что никто лучше его не будетъ управлять его дворцомъ; онъ спросилъ на это назначеніе согласіе Государя и Императрицы, оно было дано, и теперь въ 1864 году Владимиръ Яковлевичъ былъ назначенъ. Я познакомился съ Владимиромъ Яковлевичемъ въ это время въ Ниццѣ, и мнѣ не приходило тогда и въ голову, что черезъ нѣсколько лѣтъ я буду его зятемъ, но, увы, уже по смерти его.

Подошла Святая недѣля.

Послѣ заутрени лица ближайшіе ко двору и знатнѣйшіе въ Ниццѣ Русскіе были приглашены разгавливаться къ Императрицѣ, и сестра моя тоже, такъ что мы вмѣстѣ съ ней встрѣтили праздникъ Воскресенія, радость, которой уже столько лѣтъ я не имѣлъ.

Здоровье Цесаревича эти послѣдніе дни было какъ будто лучше, такъ что Императрица была спокойнѣе и веселѣе. Будто уже и возникала надежда, какъ вдругъ въ Понедѣльникъ, 4-го Апрѣля, на Святой недѣлѣ, все быстро перемѣнилось и начались ужасные, мучительные дни страха и опасенія, Господи! Когда я только вспоминаю эти страшные дни, эту великую скорбь Императрицы и Государя, эти сначала колебанія между отчаяніемъ и надеждой и потомъ эту, можно сказать, общую агонію, при видѣ агоніи этого прекраснаго Цесаревича, надежды Россіи въ будущемъ и радости своихъ родителей, сердце и понынѣ обливается кровью. Все это было такъ ужасно, что мнѣ казалось, что не можетъ быть, чтобы Цесаревичъ умеръ.

Въ тотъ же день дали знать Государю, и онъ, можно сказать съ опасностью жизни, полетѣлъ по желѣзной дорогѣ (тогда еще не ходившей съ теперешней быстротою) и въ Четвергъ 9-го Апрѣля уже пріѣхалъ въ Ниццу. Великіе Князья Александръ и Владимиръ Александровичи пріѣхали днемъ раньше Государя; съ ними пріѣхали графъ Перовскій и адмиралъ Бокъ.

И такъ въ Понедѣльникъ 4-го Апрѣля, когда мы думали, что Цесаревичу немного лучше, я отправился послѣ утренняго чая къ Императрицѣ. Она была спокойна и даже весела и вспомнила, что у нея приготовленъ для меня альбомъ, такъ какъ я на дняхъ выигралъ у нея „филипхенъ“. При этомъ Императрица подарила мнѣ прелестный альбомъ въ переплетѣ изъ Ницской деревянной, мозаичной работы, съ моими вензеями и морскими атрибутами. Альбомъ этотъ и доселѣ у меня хранится.

Уходя отъ Ея Величества, я, на лѣстницѣ, встрѣтилъ доктора Гартмана, шедшаго къ Императрицѣ; онъ былъ очень разстроены и сказалъ мнѣ, что ночью у Цесаревича былъ очень сильный припадокъ, очевидно мозгового характера и, что то, чего онъ такъ постоянно боялся, то и оказалось, т. е. что болѣзнь Цесаревича въ мозгу, что положеніе его очень опасное и что ему страшно тяжело идти говорить это Ея Величеству, но что это необходимо, въ виду могущаго случиться и страшной отвѣтственности. У меня ослабли ноги отъ этого сообщенія, и я въ ужасѣ пошелъ домой.

Можно себѣ представить, какъ приняла Императрица этотъ, можно сказать, смертный приговоръ. Говорятъ, что сначала она какъ бы остолбенѣла отъ горя и ужаса, потомъ стала дѣлать Гартману вопросы и затѣмъ немедленно одѣлась и пошла къ Цесаревичу.

Въ этотъ же день Императрица получила извѣстіе о смерти своей племянницы, супруги великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, дочери брата Императрицы принца Карла Гессенскаго. Императрица очень любила эту племянницу, которая была чрезвычайно милая женщина, и это извѣстіе, говорятъ, показалось Императрицѣ какъ бы предвѣщаніемъ новаго несчастія: Она вѣрила „*qu'un malheur ne vient jamais seul!*“ *)

Въ комнатахъ Цесаревича происходило неописанное волненіе; туда сбѣжался весь дворъ, всѣ думали, что онъ сейчасъ уже кончается, и всѣ подъ этимъ впечатлѣніемъ нахлынули въ его спальню, гдѣ сдѣлалась страшная духота. Графъ Строгановъ пришелъ въ негодованіе, сталъ всѣхъ выгонять и наконецъ дѣйствительно всѣхъ выгналъ, чѣмъ дамы графиня Блудова и А. Ѳ. Тютчева, очень обидѣлись и стали обвинять графа Строганова въ безчеловѣчїи, каменномъ безчувствїи и т. п.

Императрица хотѣла, чтобы Цесаревичъ причастился, но графъ Строгановъ сталъ этому противиться, говоря, что этимъ можно его испугать и повредить ему: тутъ вмѣшался и принцъ Александръ, говоря, что если этого не сдѣлаютъ и Цесаревичъ умретъ безъ причастія,

*) Бѣда никогда не приходитъ одна.

то Императрицѣ это будетъ еще тяжелѣе. Наконецъ приказали послать за священникомъ со святыми дарами. Въ это время Цесаревичъ пришелъ въ себя, и Императрица предложила ему исповѣдываться и приобщиться. Онъ сначала возразилъ, что онъ смущается приобщаться безъ приготовленія; но она успокоила его, сказавъ, что въ болѣзни это и не нужно, потому что болѣзнь сама по себѣ приготовленіе, и онъ охотно согласился, исповѣдывался и приобщился, утромъ, во Вторникъ 5-го Апрѣля, въ полномъ сознаніи и памяти и съ глубокимъ чувствомъ вѣры и умиленіемъ.

Гартманъ просилъ позволенія пригласить одного изъ мѣстныхъ врачей, что было сдѣлано; но тотъ ничего не могъ придумать полезнаго и только помогалъ, такъ сказать, дежурить при Цесаревичѣ. Написали въ Вѣну знаменитому профессору Опольцеру, прося его скорѣе пріѣхать; онъ пріѣхалъ, кажется въ Четвергъ или въ Пятницу, но уже поздно. Онъ опредѣлилъ болѣзнь Цесаревича острымъ менингитомъ, но причины его дознать не могъ, средствъ къ излеченію не нашелъ и надежды на поправленіе не подалъ. Можно сказать, что, начиная со Вторника 5-го Апрѣля, уже начиналась агонія, которая и продолжалась нѣсколько дней.

Наконецъ пріѣхалъ Государь и съ нимъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Съ Государемъ и Великимъ Княземъ пріѣхали графъ А. В. Адлербергъ, князь Суворовъ, адмиралъ Посъеть и доктора Каррель и Эдекауэръ, но и эти два медика не пролили никакого свѣта на болѣзнь Цесаревича и конечно не принесли никакой пользы.

Цесаревичъ узналъ отца и братьевъ и не выразилъ никакого удивленія ихъ внезапному прибытію. Одновременно съ Государемъ прибыла въ Ниццу и невѣста Цесаревича принцесса Дагмаръ. Цесаревичъ узналъ и ее и, обратясь къ родителямъ, сказалъ: „Неправда ли, какая она милая?“

Родители, братья и невѣста проводили почти весь день у одра Цесаревича, который большую часть находился въ забытіи и только временами приходилъ въ сознаніе. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ, взглянувъ на своего брата Александра Александровича, котораго особенно любилъ, взялъ его руку и потомъ, посмотрѣвъ на принцессу Дагмаръ, взялъ и ея руку и соединилъ ее съ рукою Александра Александровича. Тутъ невольно показалось, какъ будто Цесаревичъ этимъ движеніемъ передавалъ свою невѣсту нѣжно любимому брату, которому онъ оставлялъ и свое мѣсто на землѣ.

Цесаревичъ прежде говорилъ часто про Александра Александровича, что у него такая честная натурѣ и что у него „*нѣтъ ничего лисьяго*.“

Часто во время своихъ страданій, въ забытїи онъ говорилъ: „Стопъ машина“, и эти слова такъ болѣзненно отзывались въ царившемъ глубокомъ безмолвіи, и казалось, что это было какъ бы ощущеніемъ останавливающейся жизни, выражаемое этимъ терминомъ изъ морской жизни и службы, которыя Цесаревичъ такъ любилъ.

Я въ эти дни и не старался проникать въ комнату Цесаревича: мнѣ это казалось нескромнымъ и неприличнымъ. Я ходилъ только на молебны о его излѣченіи или сопровождая Великаго Князя Сергія Александровича въ вилу Бермонъ, но и Сергій Александровичъ почти не входилъ въ спальню Цесаревича: это могло худо на него подѣйствовать, онъ былъ еще такъ малъ.

Но все было до того полно общей скорбью и безпокойствомъ, что всякое извѣстіе о каждомъ колебаніи въ состояніи здоровья Цесаревича немедленно переходило изъ устъ въ уста и распространялось между всѣми; какъ это всегда бываетъ въ минуты великихъ радостей или скорбей, всѣ разстоянія между людьми исчезаютъ, и всѣ проникаются общимъ чувствомъ, равно для всѣхъ важнымъ и жизненнымъ. Такъ было и теперь, въ эти тяжелые дни. Но я не буду ихъ описывать подробно: это слишкомъ тяжело, да и почти мнѣ невозможно, потому что все время, начиная съ 4-го Апрѣля, до дня кончины Цесаревича было такое ужасное и раздражительное, что и самое воспоминаніе о немъ сохранилось у меня какъ-то отрывочно и неполно.

Въ Четвергъ и Пятницу положеніе Цесаревича все ухудшалось, онъ очень страдалъ и большую часть времени былъ въ безпамятствѣ; это была уже агонія. Въ Субботу 12-го Апрѣля, въ пятомъ часу утра, я вдругъ былъ разбуженъ топотомъ лошадей въ конюшнѣ и стукомъ выдвигаемыхъ изъ сараевъ экипажей. Я догадался, что экипажи закладываютъ для Ихъ Величествъ и что уже наступаетъ конецъ; дѣйствительно дали знать Ихъ Величествамъ, что Цесаревичъ слабѣетъ и кончается. Я не хотѣлъ будить Великаго Князя Сергія Александровича, такъ какъ его нельзя было везти присутствовать при кончинѣ брата. Сергій Александровичъ былъ ребенокъ чувствительный, нервный и деликатный, и нельзя никогда знать, какъ бы подѣйствовало на него эта ужасная минута.

Болѣзненно прислушивался я къ этому шуму и внутренне молился Господу о Цесаревичѣ и его родителяхъ.

Чистая душа Цесаревича Николая Александровича оставила этотъ міръ 12-го Апрѣля 1865 года въ 6 часовъ утра.

Въ два часа дня была первая панихида. Цесаревичъ лежалъ еще на своей походной кровати, съ выраженіемъ глубокаго спокойствія, важности и какъ бы блаженной улыбки. Мнѣ думалось, что это пре-

красное, неземное выраженіе не есть ли отраженіе на лицѣ перваго впечатлѣнія души, покидающей здѣшній міръ и хотя еще присутствующей въ тѣлѣ, но уже начинающей видѣть все величіе и блаженство новаго существованія. Казалось, что это было: „*проторженіе души черезъ плоть и отраженіе его на оной*“.

Трудно описать эту первую панихиду, это былъ общій плачь и рыданіе, съ начала до конца.

Какъ только придворный діаконь*), знавшій Цесаревича со дня его рожденія, сталъ произносить слова: „Еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Божія благовѣрнаго Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича“, то онъ зарыдалъ, голосъ его оборвался, и нѣсколько мгновеній онъ не могъ продолжать. Всѣ плакали навзрыдъ; такъ, при общемъ горѣ, это первое провозглашеніе прекраснаго, горячо любимаго Наслѣдника *усопшимъ*, было ужасно и раздирательно!

Во время первой панихиды Императрица лишилась чувствъ, и Государь, взявъ ее на руки, съ любовью, какъ ребенка, отнесъ въ другую комнату.

Тоже помню, уже на второй день послѣ кончины, за нѣсколько минутъ до панихиды, Сергій Александровичъ пошелъ къ тѣлу Цесаревича съ Императрицей, и за ними понесли корзину съ цвѣтами.

Бѣдная Императрица брала изъ корзины цвѣты и раскладывала ихъ кругомъ своего сына. Сколько было любви и скорби въ ея движеніяхъ; возьметъ цвѣтокъ и съ глубокимъ взглядомъ безконечной любви и безпредѣльной скорби окружаетъ ими чело Цесаревича и задумается и смотритъ на него, потомъ возьметъ опять нѣсколько цвѣтковъ и раскладываетъ ихъ; помню, что это были чайные розаны и что я, стоя тихо въ углу и видя все это, невольно плакалъ.

Но при всей глубинѣ своей скорби, Императрица была слишкомъ полна глубокой вѣры въ Бога, чтобы скорбѣть, „какъ не имѣющая упованія“. Она приняла ударъ съ полной покорностью волѣ Божіей. Она была сокрушена этимъ горемъ и, отнынѣ и до конца, *въ ней было уже что-то надломлено*; многіе, такъ сказать, струны ея души порваны, но вѣра, молитва и любовь къ Богу не были ни минуты у нея отняты. Сокрушенная, убитая горемъ, она на другой же день старалась собраться въ мысляхъ и продолжать свои священныя обязанности матери дѣтей и вѣрной, любящей подруги и помощницы супруга.

*) Придворный діаконь и 6 человекъ придворныхъ пѣвчихъ находились за границей все время пребыванія тамъ Императрицы, а священникъ былъ мѣстный.

На другой же день по кончинѣ Цесаревича, Императрица утромъ послала за мной, чтобы переговорить о мнѣніи доктора Опольцера о Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ, котораго Опольцеръ, по желанію Императрицы, осмотрѣлъ. Онъ нашелъ Великаго Князя совершенно здоровымъ и не имѣющимъ никакого расположенія къ мозговымъ болѣзнямъ (чего Ея Величество опасалась, думая, что въ его организмѣ есть сходство съ организмомъ покойнаго Цесаревича); единственно, что нашелъ Опольцеръ, это маленькое сокращеніе одного изъ мускуловъ спиннаго хребта, съ правой стороны, но которое очень легко исправить посредствомъ Шведской гимнастики. Императрица желала, чтобы это было предпринято, и я предложилъ Ея Величеству теперь же пригласить гимнаста Опермана, который жилъ въ Ниццѣ и дѣлалъ гимнастику зимою съ Цесаревичемъ. Этотъ г-нъ Оперманъ былъ весьма опытенъ въ своемъ дѣлѣ, а въ Петербургѣ такого спеціалиста найти трудно. Императрица согласилась на мое предложеніе, и Оперманъ, котораго я уже зналъ, былъ приглашенъ ѣхать съ нами въ Россію.

По окончаніи разговора объ Оперманѣ, я, видя, что Императрица не желаетъ разстраивать себя упоминаніемъ о Цесаревичѣ, сказала ей: „Ваше Величество позвольте мнѣ поцѣловать Вашу руку?“ Она поняла, что въ этихъ словахъ заключалось и все мое къ ней почитаніе и пониманіе ея горя, подала мнѣ руку и прибавила: „N. Vous aimez beaucoup*“) и этими словами о расположеніи ко мнѣ Цесаревича отвѣтила мнѣ на все, что наполняло мнѣ душу въ эту минуту.

Опольцеръ съ другими медиками сдѣлалъ вскрытіе тѣла, и оказалось, что два позвонка спиннаго хребта, особенно одинъ, кажется четвертый, были совершенно повреждены, что и было причиною менингита, отъ котораго скончался Цесаревичъ; но такъ какъ о паденіи его за два года передъ тѣмъ съ лошади, кажется, и теперь никто не подумалъ сказать Опольцеру, то настоящая причина болѣзни Цесаревича и теперь не была объяснена, и ее объяснили натуральною склонностью организма; это и подало поводъ къ опасеніямъ Императрицы касательно Великаго Князя Сергія Александровича.

Послѣдующіе дни прошли между панихидами и приготовленіями къ выносу тѣла, которое должно было быть перевезено моремъ въ Петербургъ на фрегатъ „Александръ Невскій“ въ сопровожденіи фрегата „Олего“.

14-го Апрѣля тѣло Цесаревича было перевезено въ православную церковь въ Ниццѣ; оттуда, послѣ панихиды вечеромъ и литургіи.

*) Н. васъ очень любилъ.

16-го Апрѣля, въ 4 часа пополудни, оно было перевезено берегомъ со всей торжественностью, которую можно было устроить, въ Виллафранку.

Баталіонъ Французскихъ стрѣлковъ *chasseurs de Vincennes*, который всю зиму стоялъ въ Ниццѣ для карауловъ при Императрицѣ, сопровождалъ гробъ, и отъ времени до времени уныло раздавались звуки ихъ *fanfare* (маршъ).

Всѣ мы Русскіе офицеры бывшіе въ Ниццѣ и свободные съ эскадры участвовали въ шествіи; между прочимъ адмиралъ Бутаковъ несъ кейзеръ-флагъ Цесаревича, а я былъ при немъ однимъ изъ ассистентовъ.

Погода была чудная, солнечная, тихая и благорастворенная, и эта роскошь и блескъ окружающей насъ природы такъ противорѣчили съ нашимъ печальнымъ и угнетеннымъ состояніемъ.

Длинною нитью тянулась процессія по Виллафранской дорогѣ: ее сопровождала почти вся Ницца.

Въ Виллафранкѣ гробъ былъ снятъ съ катафалка и поставленъ на траурный паровой катеръ на устроенный на катерѣ бранкартъ, весь покрытый цвѣтами; когда катеръ подошелъ къ фрегату „Александръ Невскій“ на бранкартѣ были заложены *ножъ и сѣйтали*, какъ для подъема барказовъ и, по свистку, бранкартъ съ гробомъ Цесаревича, какъ огромная корзина цвѣтовъ, былъ поднятъ съ катера на воздухъ и потомъ опустился во внутренность фрегата; затѣмъ реи были раскошены, и раздался печальный салютъ.

На слѣдующее утро въ 8 часовъ, печальная эскадра снялась съ якоря,—и со спущенными до половины флагами съ раскошенными реями, прошла мимо Ниццы, направляясь въ Россію.

Громъ салютовъ эскадры, болѣзненно отзывался въ нашихъ сердцахъ: это было какъ бы прощанье съ горячо любимымъ всѣми Цесаревичемъ.

18-го Апрѣля, Ихъ Величества покинули Ниццу и по желѣзной дорогѣ поѣхали въ Гейлихенбергъ, близъ Дармштадта, гдѣ должны были ожидать извѣстія о приходѣ эскадры съ прахомъ Цесаревича въ Балтійское море, чтобы ѣхать въ Россію для присутствія на его погребеніи.

Такъ кончилось наше пребываніе въ 1865 году въ Ниццѣ.

